

Раздел 7

Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана (историко–политический аспект)

Афганский внутренний социально – экономический и политический кризис, корни которого уходят к середине XX в., с приходом в Кабуле в 1978 году к власти левых радикалов приобрел совершенно новое измерение. Запад расценил это событие как опасный прецедент «коммунистического» проникновения в страны Востока, а весьма могущественные, прежде всего арабские, консервативные мусульманские режимы – как угрозу ценностям и безраздельному влиянию ислама на обширном азиатском пространстве. Под флагом борьбы с «красной» опасностью и защиты ислама началась невиданная доселе эскалация вмешательства извне во внутриафганские дела. Афганистан был ввергнут в пучину длительной, кровопролитной гражданской войны. Положение еще больше осложнилось после ввода в эту страну советских войск. В мировой политике появился так называемый «афганский вопрос».

Афганский вопрос накануне Женевы

К разрешению указанного вопроса незамедлительно подключились и мировое сообщество, [1] и силы, которые прямо или косвенно были еще до этого завязаны в афганском конфликте. В число последних, кроме афганской вооруженной оппозиции, входили США, Саудовская Аравия и почти все монархические арабские режимы зоны Персидского залива, Египет, Иран, Пакистан, Китай, страны Евросоюза, Япония и др. Правда, их подходы к урегулированию ситуации внутри и вокруг Афганистана далеко не совпадали: первое (мировое сообщество), осудив почти единодушно советскую военную акцию, потребовало безоговорочного вывода советских войск из страны, другие же, преследуя свои корыстные геополитические и идеологические цели, полагались исключительно на силовое (военное) решение афганской проблемы.

Поначалу и высшее советское политическое руководство также придерживалось силового варианта решения данной проблемы. Однако вскоре оно, встретив резкое осуждение в мире своей военной акции в Афганистане и столкнувшись с усиливавшимся день ото дня сопротивлением моджахедов и нараставшей военной, финансовой и материальной помощью им со стороны Запада и консервативных режимов региона, пришло к осознанию бесперспективности всех своих усилий добиться мира в этой стране военным путем. Как свидетельствовал Г.М.Корниенко, известный советский дипломат, занимавший в 70–80-х годах последовательно посты первого заместителя министра иностранных дел СССР и первого заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС, уже «осенью 1981 года политбюро ЦК КПСС одобрило предложение, подготовленное по инициативе МИДа и поддержанное Ю.В. Андроповым, ... об организации дипломатического процесса, нацеленного на такое урегулирование ситуации вокруг Афганистана, которое позволило бы вывести советские войска из этой страны» [2]. При этом следует иметь в виду, что в Москве в тот момент пока еще полагали решать вопрос о судьбе советского военного присутствия в Афганистане исключительно на основе двусторонних советско–афганских договоренностей и не ставили задачу делать из него предмет обсуждений и торга на международном уровне. В конце 1982 г. советский лидер Ю.В. Андропов заявил о намерении уйти из Афганистана при условии прекращения Пакистаном поддержки афганской вооруженной оппозиции.

Нужно признать, что Москва и ее протеже Кабул, наряду с использованием военной силы, никогда не отказывалась и от поисков мирных путей и средств, нацеленных на урегулирование ситуации вокруг Афганистана. Вслед за вводом советских войск в эту

страну и приведением к власти Б.Кармаля они заметно активизировали дипломатическую деятельность на международной арене по афганскому вопросу. Так, новый афганский лидер (безусловно, с подачи Москвы) уже в первых своих заявлениях в декабре 1979 г. обратился к правительствам Пакистана и Ирана с предложением решить все существующие межгосударственные разногласия и недоразумения путем встреч и мирных переговоров, на основе «общности их исторических судеб» [3]. 14 января 1980 г. он направил личное послание духовному главе Ирана аятолле Р. Хомейни, в котором заявил о готовности Афганистана «иметь с Исламской Республикой Иран самые дружественные отношения, основанные на исламском братстве», и предложил встретиться с иранским лидером, чтобы «устранить существующие недоразумения между двумя странами» [4]. Афганский лидер, выступая 19 марта 1980 г. по кабульскому радио и телевидению в связи с наступлением Нового года (по мусульманскому календарю), снова вернулся к вопросу о нормализации отношений со своими восточным и западным соседями и заявил, что глубокие исторические, культурные и религиозные узы, связывающие народы Афганистана, Пакистана и Ирана, просто «обязывают их жить в атмосфере взаимопонимания, мира, братства и согласия» [5].

В середине апреля 1980 г. руководство Демократической Республики Афганистан выступило с программным документом «Тезисы Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана ко второй годовщине Саурской революции», в котором призвало правительство Пакистана «провести необходимые переговоры на двусторонней основе и принять совместные меры к смягчению и устранению напряженности в афгано–пакистанских отношениях, преднамеренно нагнетаемой империалистическими и реакционными силами в своих собственных корыстных интересах». В этом же документе Кабул, обращаясь к правительству Исламской Республики Иран, подтвердил «свою неизменную готовность к развитию традиционных отношений дружбы и сотрудничества с братским мусульманским народом Ирана» [6].

Новое обращение кабульских властей к своим соседям прозвучало в докладе Б.Кармаля на торжественном заседании 26 апреля 1980 года, посвященном 2-й годовщине Апрельской революции. «Мы верим, – сказал он, – что между Афганистаном и соседними странами не существует каких-либо разногласий, которые бы не могли быть урегулированными мирным путем в интересах их народов, на основе доброй воли и желания их государственных лидеров». Одновременно афганский руководитель сообщил, что его правительство уже «приступило к подготовке серии новых мирных инициатив, направленных на урегулирование международной ситуации в регионе и создание атмосферы доверия и доброй воли, необходимых для устранения разногласий через спокойные и плодотворные переговоры» [7].

Обширная программа политических мер из семи пунктов по нормализации обстановки в регионе, в центре которой оказался афганский вопрос, была выдвинута правительством ДРА в Заявлении от 14 мая 1980 г. [8]. Изложенные в этом документе мирные инициативы кабульского правительства включали следующее:

– начать афгано–иранские переговоры для выработки на двусторонней основе соглашения о развитии дружественных отношений и всестороннего сотрудничества между обеими странами. Было подчеркнуто, что правительство ДРА также предлагает провести афгано–пакистанские переговоры с целью заключения двустороннего соглашения о нормализации отношений на основе взаимного уважения суверенитета, добрососедства и невмешательства во внутренние дела друг друга, включая и принятие на себя конкретных обязательств по недопущению вооруженной и любой другой деятельности со своей территории против другой стороны;

– правительство ДРА еще раз призывает всех афганцев, временно, в силу тех или иных причин оказавшихся на территории Пакистана и других соседних стран, возвратиться на свою родину. Всем репатриантам, в соответствии со всеобщей амнистией, объявленной в правительственном заявлении от 1 января 1980 г., гарантируется полная свобода и

неприкосновенность, выбор местожительства и рода занятий и предоставление необходимых льгот и помощи. Афганское правительство просит власти Пакистана и других сопредельных стран оказать содействие афганским гражданам в их свободном возвращении в Афганистан;

– в случае нормализации отношений с соседними странами правительство ДРА готово рассмотреть и другие вопросы межгосударственных отношений, включая и те из них, которые длительное время составляют предмет разногласий между ними;

– предлагая начать двусторонние переговоры с соседними странами без каких-либо предварительных условий, правительство ДРА исходит из того, что их контакты между собой не должны сопровождаться продолжением враждебной деятельности против Афганистана. С самого начала политических переговоров должны быть приняты практические меры по прекращению вооруженных и любых других форм вмешательства в афганские дела;

– составными элементами урегулирования афгано-пакистанских и афгано-иранских отношений должны стать соответствующие политические гарантии со стороны ряда государств. По мнению ДРА, ими могли бы быть СССР и США. «Что касается США, – говорилось в цитируемом документе, – то их гарантии должны включать ясно выраженное обязательство не вести какой бы то ни было подрывной деятельности против Афганистана, включая и с территории третьих стран;

– правительство ДРА заявляет, что вопрос о выводе из Афганистана ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) может быть решен лишь в контексте политического урегулирования афганской проблемы, то есть в общей увязке с прекращением и гарантированным невозобновлением вооруженного и любых других форм вмешательства во внутренние дела ДРА;

– правительство ДРА считает, что в процессе политического урегулирования должны быть приняты во внимание сложившаяся обстановка в регионе Индийского океана и Персидского залива, а также военно-политическая деятельность государств, не принадлежащих к данному региону. ДРА поддерживает предложения о превращении этого района в зону мира, о ликвидации там иностранных военных баз и принятии других мер по снижению напряженности и укреплению безопасности.

В заключении рассматриваемого Заявления афганское правительство еще раз со всей определенностью подчеркнуло, что вопросы, затрагивающие интересы Афганистана, не могут обсуждаться и решаться без участия правительства ДРА или помимо его. Правительство Афганистана выразило надежду, что выдвинутая им конкретная программа политического урегулирования афганской проблемы встретит понимание и благоприятный отклик со стороны правительства Исламской Республики Иран и Пакистана и позволит начать конструктивные переговоры по урегулированию отмеченных в Заявлении проблем.

С мая 1980 по конец июля 1981 г. афганская сторона по крайней мере шесть раз обращалась на разных уровнях к Пакистану и Ирану с предложениями начать прямые двусторонние переговоры по вопросу о нормализации межгосударственных отношений [9]. Однако и Пакистан, и Иран остались глухими к мирным инициативам правительства ДРА, считая его нелегитимным, хотя, между прочим, и продолжали держать свои дипломатические представительства в афганской столице.

Новые предложения по мирному урегулированию афганской проблемы были изложены в Заявлении правительства ДРА от 24 августа 1981 г. [10] В нем, наряду с подтверждением известных инициатив, сформулированных в Заявлении правительства ДРА от 14 мая 1980 г., выдвигался целый ряд новых идей. В частности, официальный Кабул, считая по-прежнему предпочтительным и наиболее обещающим проведение переговоров как с Пакистаном, так и с Ираном на двусторонней основе, выразил готовность, если на то будет желание Пакистана и Ирана, провести трехсторонние переговоры. При этом было отмечено, что афганская сторона не возражает против участия

в переговорах – будь то двусторонних или трехсторонних – генерального секретаря ООН или его представителя.

В указанном Заявлении было особо подчеркнуто, что неотъемлемой частью политического урегулирования афганской проблемы должны были стать надежные международные гарантии, предусматривающие прекращение и невозобновление вооруженного и иного вмешательства в дела Афганистана. Было отмечено, что страны-гаранты, в числе которых, по мнению правительства ДРА, могли бы быть СССР и США, а также и другие государства, приемлемые как для Афганистана, так и для его соседей, должны «принять соответствующий документ, в котором они взяли бы на себя обязательство уважать и соблюдать суверенитет, независимость и территориальную целостность Афганистана и его статус неприсоединившегося государства. Со своей стороны, ДРА подтвердила бы свою приверженность политике мира и неприсоединения, свое стремление развивать дружественные связи со всеми странами и в первую очередь с соседями».

Правительство ДРА, видя нежелание ее непосредственных соседей вести прямые переговоры с афганской стороной на официальном уровне, высказало мнение о том, что на первых порах обсуждение проблемы урегулирования «могло бы вестись в форме неофициальных многосторонних консультаций, а затем и на соответствующем международном уровне».

Касаясь проблемы советского военного присутствия в Афганистане, правительство ДРА снова подтвердило, что вопросы порядка и графика вывода ОКСВ из страны будут решаться по согласованию между афганской и советской сторонами в тесной увязке с политическим урегулированием, то есть в контексте прекращения и гарантированного невозобновления вмешательства извне во внутриафганские дела.

Заключая данное Заявление, правительство ДРА отметило, что «при любом варианте переговоров – двустороннем, трехстороннем или многостороннем – ... не подлежат обсуждению вопросы, касающиеся как существующего режима в Афганистане и состава его правительства, так и иных внутренних дел». При этом подчеркивалось, что «такого рода вопросы будут решаться в будущем только афганским народом и никем иным».

Нельзя сказать, что мирные инициативы Кабула не были услышаны в мире. В их поддержку выступили многочисленные друзья и сторонники СССР и левого кабульского режима в различных странах, ряд влиятельных международных правительственных и неправительственных организаций. Состоявшаяся в феврале 1981 года Конференция министров иностранных дел неприсоединившихся стран, фактически поддержав указанные выше предложения Кабула, призвала решать афганскую проблему «политическими средствами на основе вывода иностранных войск из страны и полного уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности и статуса неприсоединения Афганистана». В такой формулировке данный призыв постоянно включался в политические декларации всех последующих конференций глав государств или правительств неприсоединившихся стран, которые созывались в 80-х годах XX в. [11].

Как и следовало ожидать, советская военная акция в Афганистане серьезно встревожила мировое сообщество. 9 января 1980 г. афганский вопрос был вынесен на обсуждение Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, а 14 января – и 6-й чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Последняя, осудив подавляющим большинством своих членов «вооруженное вторжение в Афганистан», потребовала «немедленного, без каких-либо условий и полного вывода иностранных войск из Афганистана». В последующем указанное требование слово в слово повторялось во всех резолюциях по Афганистану, которые Генеральная Ассамблея ООН принимала в 80-х годах на своих ежегодных очередных сессиях [12].

На советскую военную акцию в Афганистане весьма жестко отреагировала

Организация Исламская Конференция (ОИК). В резолюции, принятой на чрезвычайной встрече министров иностранных дел ОИК, которая состоялась в Исламабаде с 25 по 28 января 1980 г., была решительно осуждена «советская военная агрессия против афганского народа» и выдвинуто требование о немедленном и безусловном выводе всех советских войск с афганской территории. Наряду с этим, было приостановлено членство Афганистана в ОИК, а странам–членам данной Организации предложено воздержаться от признания законным кабульский режим, разорвать с ним дипломатические отношения и прекратить предоставление любой помощи ДРА до тех пор, пока не будут выведены из страны советские войска [13].

Учитывая важность инициатив ОИК и усилий Движения неприсоединения (ДН), направленных на политическое решение афганской проблемы, 35-я сессия ГА ООН в резолюции 35/37 от 20 ноября 1980 г. предложила генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму предпринять соответствующие шаги в этом направлении. В соответствии с данным поручением, были установлены контакты с представителями Пакистана, Ирана и Афганистана, некоторыми странами–членами ОИК и ДН. В апреле 1981 г. генеральный секретарь ООН назначил Переса де Куэльяра своим личным представителем по урегулированию афганской проблемы. В середине этого же месяца Перес де Куэльяр посетил Кабул и провел переговоры с высшим афганским руководством. Состоявшиеся встречи в Кабуле, ознакомление личного представителя генерального секретаря ООН с мирными инициативами правительства ДРА, а также выяснение позиций на сей счет руководящих верхов Пакистана и Ирана явились непосредственным прологом к переговорному дипломатическому процессу по всеобъемлющему урегулированию афганской проблемы.

Новый импульс этому процессу был дан решениями 36-й сессии ГА ООН. Ее резолюция 36/34 от 18 ноября 1981 г., потребовав снова «немедленного вывода иностранных войск из Афганистана», предписала генеральному секретарю ООН продолжать усилия по поиску политического решения афганского вопроса. [14] Потребовалось еще несколько месяцев для того, чтобы подготовить почву для начала переговорного процесса. В апреле 1982 г. генеральный секретарь ООН (1 января 1982 г. им стал Перес де Куэльяр) назначил Диего Кордовеса своим представителем по урегулированию положения вокруг Афганистана. Действуя в рамках своей миссии, Д. Кордовес во второй декаде апреля посетил Исламабад, Кабул, Тегеран и Москву, а также встретился с представителями американской администрации. Итогом этих встреч и визитов явилось согласие правительств Афганистана и Пакистана на ведение непрямых переговоров под эгидой ООН. Иран отказался от участия в переговорах, мотивируя это тем, что Кабул не согласился с его (Ирана) предложением включить в переговорный процесс представителей афганской вооруженной оппозиции.

Возникает вопрос: что же заставило пакистанский военный режим, вопреки советам его заокеанского и региональных друзей, пойти на эти переговоры? Безусловно, к этому его толкали как настойчивые призывы мирового сообщества к поискам мирного разрешения афганского конфликта, так и внутренняя ситуация, сложившаяся в то время в Пакистане: требования антиправительственной демократической оппозиции, обострение в стране социальных, национальных и религиозных противоречий и усиливавшаяся напряженность в пограничной полосе с Афганистаном, вызванная нахождением там многочисленных афганских вооруженных группировок и кровавыми разборками между ними, а также притоком в страну сотен тысяч афганских беженцев [15]. Хотя, и это следует особо выделить, переговоры с Кабулом шли вразрез с далеко идущими амбициозными планами пакистанского военного режима (см. об этом ниже) и его приверженцев из стана крайне правых религиозно-политических организаций Пакистана. Среди этих организаций самой воинственной была «Джамаат-и ислами». Напомним: именно она вместе с пакистанскими спецслужбами опекала афганскую вооруженную оппозицию и контролировала лагеря афганских беженцев, через нее поступала

подавляющая часть помощи на нужды джихада от Саудовской Аравии, консервативных арабских режимов и разного рода исламских «благотворительных» фондов и организаций. Выражая волю и взгляды указанных спонсоров афганской антиправительственной вооруженной оппозиции, лидер «Джамаат–и ислами» Миан Туфайл Мухаммад в заявлении от 24 июня 1983 г. потребовал от правительства Пакистана не идти ни на какие уступки и компромиссы на женевских переговорах и, более того, отказаться от принятого формата переговоров. По его мнению, только моджахеды имеют право принимать решение о судьбе Афганистана и только они должны сесть за стол переговоров с другой воюющей стороной – Советским Союзом [16].

Что касается США, покровителя пакистанской военщины, то и они были не особенно заинтересованы в быстрейшем решении афганского вопроса через проведение переговоров, поскольку продолжение войны в Афганистане наилучшим образом отвечало их (США) стратегии «крестового похода» против мирового коммунизма, стратегии изматывания и дальнейшей дискредитации своего идеологического противника. Вместе с тем, как им представлялось, и переговоры по Афганистану, параллельно с эскалацией военного давления на Советы, могли бы также принести ощутимые политические дивиденды. Кроме того, определенное влияние на позицию администрации США оказывала и мировая общественность, активно выступавшая за урегулирование положения в Афганистане и вокруг него политическими средствами. Именно данные обстоятельства и заставили Вашингтон дать свое согласие на участие Пакистана в переговорах по афганской проблеме.

Против мирного урегулирования афганской проблемы на условиях Кабула и Москвы решительно выступила афганская вооруженная оппозиция. Один из ее лидеров Г.Хекматъяр по этому поводу писал, что предложенный Кабулом и Москвой «план политического решения афганской проблемы есть ни что иное, как ловушка и обман, имеющие целью отвлечь внимание моджахедов от продолжения джихада», как стремление «одурачить афганский народ, чтобы под завесой ухода русских из Афганистана оставить у власти в стране своих агентов» [17]. Ему вторил другой лидер фундаменталистского крыла оппозиции Б. Раббани. Осудив визит Д. Кордовеса в Кабул и его переговоры по проблеме Афганистана с Б. Кармалем, Б. Раббани подчеркнул, что «моджахеды категорически отвергают такое политическое решение, при котором в стране окажется марионеточное правительство, угодное русским» [18].

По мнению Б. Раббани, высказанному в начале 80-х годов XX в., решение афганского вопроса могло состояться лишь при соблюдении следующих основных условий:

- 1) необходимо любой ценой привести к власти в Афганистане истинно исламское правительство. Без этого условия, подчеркнул он, «любое политическое решение будет лишеным всякого смысла и значения»;
- 2) абсолютно неприемлемо любое политическое решение афганской проблемы, которое будет предусматривать «официальное признание продажной клики Б. Кармаля»;
- 3) не будет иметь никакого значения любое политическое решение по вопросу о выводе советских войск из страны, если моджахеды будут отстранены от переговорного процесса [19].

Таким образом, в начале 80-х годов по вопросу о нормализации обстановки внутри и вокруг Афганистана четко обозначились два противоположных подхода. Москва и Кабул выступали за достижение политических договоренностей относительно прекращения вооруженного вмешательства извне во внутриафганские дела, возвращения беженцев и гарантированного невмешательства в дела друг друга с увязкой этих процессов с последующим выводом советских войск из Афганистана. Запад же и их союзники в регионе видели решение афганской проблемы исключительно в безоговорочном выводе советских войск из Афганистана, отстранении от власти вооруженным путем левого кабульского режима, а афганская фундаменталистская

оппозиция и Пакистан, кроме того, и в установлении в стране исламской формы правления и государственного устройства.

Наряду с этим, пакистанский военный режим во главе с генералом Зия-уль-Хаком неприкрыто лелеял мечту о создании некоей афгано-пакистанской конфедерации, при которой Афганистану отводилась бы роль государства-сателлита под управлением исключительно фундаменталистского крыла афганского сопротивления. «Новое правительство Афганистана, – утверждал Зия-уль-Хак, – будет истинно исламским». Впрочем, его мечты шли гораздо дальше: «Быть может, – говорил он, – к нам присоединятся когда-нибудь Турция и Иран и – почему бы нет – Таджикистан и Узбекистан» [20].

Женевские переговоры по Афганистану

Первый раунд непрямых афгано–пакистанских переговоров через посредничество личного представителя генерального секретаря ООН Д. Кордовеса проходил с 16 по 24 июня 1982 г. в Женеве, в здании европейской штаб–квартиры ООН. Пакистанскую сторону представлял министр иностранных дел Якуб-хан (до ноября 1987 г.), а афганскую – министр иностранных дел ДРА Шах Мухаммад Дост и Абдул Вакиль (с декабря 1986 г.). За кулисами каждую из них усердно опекали представители внешнеполитических ведомств США и СССР. Советниками афганской делегации в разные годы были советские дипломаты Станислав Гаврилов, Василий Сафрончук и Николай Козырев. Переговоры проходили крайне трудно, так как участвовавшие в них стороны и стоявшие за ними иноземные дирижеры изначально преследовали, как уже говорилось выше, совершенно разные цели. В ходе первого раунда обсуждались лишь процедурные вопросы. Тем не менее, стороны сумели выразить свое мнение относительно повестки дня предстоящих переговоров, однако не пришли к какому-либо согласованному решению, чем подтвердили всю сложность начатого переговорного процесса.

С 21 января по 7 февраля 1983 г., накануне второго раунда женевских переговоров, Д. Кордовес вновь посетил Исламабад, Кабул и Тегеран и провел с их лидерами серию консультаций. Вслед за этим (с 11 по 22 апреля 1983 г.) состоялся первый этап второго раунда афгано–пакистанских переговоров. Пакистанская сторона снова, как это было на первом раунде переговоров, предложила обсудить четыре вопроса в качестве условия для урегулирования афганской проблемы, а именно: вывод советских войск из Афганистана; восстановление независимости Афганистана и его возвращение в ряды Движения неприсоединения; возвращение афганских беженцев на родину с почетом и достоинством; предоставление народу Афганистана свободы выбора формы правления и его руководителя. Афганская делегация категорически отвергла большую часть этих предложений, как неприемлемых, ущемляющих национальный суверенитет Афганистана. В процессе жарких дискуссий стороны, в конце концов, согласились обсудить следующие вопросы: прекращение вмешательства во внутренние дела Афганистана; международные гарантии невмешательства; возвращение афганских беженцев на родину.

Обсуждение приведенных выше вопросов было продолжено в ходе второго этапа второго раунда переговоров, который состоялся в июне этого же года. Афганская делегация вновь поставила вопрос о проведении прямых переговоров, заметив, что непрямые переговоры (когда утром Д. Кордовес встречается с афганской стороной, а вечером – с пакистанской) создают много трудностей и недоразумений. Кроме того, было отмечено, что пакистанская сторона под давлением США нередко уходит от обсуждения вопросов уже согласованной повестки дня и выдвигает снова и снова неприемлемые, ранее отвергнутые предложения. Пакистанская делегация отказалась принять данное предложение, мотивируя свой шаг тем, что-де переход к прямым переговорам означал бы признание де-юре Демократической Республики Афганистан. В ответ афганская сторона резонно заявила, что в данном случае речь идет не о признании ДРА, а скорее всего

Пакистана, его западной границы, без признания которой, понятие «государство» не может быть полным.

Выражая свое понимание вопроса о прекращении вмешательства в дела Афганистана, афганская делегация предложила в ходе его реализации закрыть на пакистанской территории базы и центры подготовки афганских боевиков, ликвидировать все афганские антиправительственные организации и их военные структуры и не допускать перехода в Афганистан через межгосударственную границу бандформирований и переброски их оружия. Было подчеркнуто, что позитивное решение этого вопроса немыслимо без его увязки с соответствующими международными гарантиями невмешательства. По мнению Кабула, такими гарантами могли бы быть СССР и США. Однако Исламабад не согласился с этим и предложил, чтобы указанную роль взяли на себя пять постоянных членов Совета Безопасности ООН. Делегация ДРА отклонила данное предложение, как неприемлемое, поскольку один из постоянных членов СБ – Китай, претендующий на значительную часть афганской территории (Бадахшан и Хазараджат), не может выступать в роли гаранта невмешательства и территориальной целостности Афганистана.

В ходе второго этапа второго раунда женеvских переговоров оживленный обмен мнениями вызвал вопрос о возвращении на родину афганских беженцев. Прежде всего, это касалось определения понятия «беженцы». Пакистанская сторона относила к ним всех тех лиц, которые были зарегистрированы таковыми по линии Верховного комиссара ООН по делам беженцев и пакистанского Комиссариата по делам беженцев и получали соответствующее вспомоществование. По взглядам же афганской делегации, беженцами следовало считать лишь тех лиц, которые вынуждены были покинуть свою страну в результате преследований, военных действий или чрезвычайных обстоятельств. На основе данной посылки афганская делегация, в противовес Пакистану, отказалась включать в число беженцев сотни тысяч кочевников, сезонно мигрирующих из страны в страну, представителей пуштунских племен, проживающих по обе стороны «линии Дюранда» и занимающихся отхожим промыслом в Пакистане, а также членов контрреволюционных вооруженных группировок.

Кроме того, предметом дискуссии на данном этапе стал и вопрос о механизме возвращения беженцев в места их прежнего обитания. Пакистан высказался за то, чтобы эту обязанность взяли всецело на себя функционирующие в стране органы Верховного комиссара ООН и пакистанского Комиссариата по делам беженцев. Афганские партнеры по переговорам, однако, выразили серьезные сомнения в способностях указанных органов выполнить эту задачу, поскольку они не обладают реальной властью в лагерях, находящейся почти полностью в руках тех или иных группировок афганской вооруженной оппозиции и пакистанских экстремистских религиозно-политических организаций, типа «Джамаат-и ислами». Афганская сторона выступила на сей счет со своими предложениями: или заключить всеобъемлющий договор между соседними странами по вопросам возвращения беженцев на родину, или создать облеченную широкими полномочиями комиссию в составе представителей двух стран и ООН, или поручить решение проблемы возвращения беженцев неправительственным организациям двух стран (с афганской стороны ею мог бы быть, к примеру, Национальный отечественный фронт), или же просто объявить, что каждый из афганских беженцев может добровольно, в любое время возвратиться на родину. При этом и Пакистан, и Иран должны взять на себя обязательство не чинить репатриантам никаких препятствий.

Необходимо отметить, что политическое руководство ДРА в тот период хорошо осознавало, что возвратиться домой пожелают далеко не все афганские мигранты, видимо, не более 80 %. Дело в том, что часть из них за многие годы пребывания на чужбине прочно обосновалась там, обретя и жилище, и надежное занятие, другие же не были уверены в том, что по возвращении на родину смогут обеспечить безопасность и средства к существованию для своих семей из-за продолжавшейся в стране гражданской войны,

третьи, в основном пуштуны, найдя пристанище и работу в пограничной зоне Пакистана, вполне резонно считали, что живут на своей исконно пуштунской земле и им нет никакой необходимости возвращаться в Афганистан [21].

В целом второй раунд женеvских переговоров заметно продвинул вперед договаривавшиеся стороны в их поисках мирного урегулирования ситуации вокруг Афганистана. Ими был согласован ряд узловых положений будущих проектов афгано–пакистанских договоренностей, что, по–видимому, послужило основанием для Д. Кордовеса публично заявить, что проекты текстов соглашений уже «готовы на 95 процентов» [22]. Стоит заметить, что оставшиеся 5 процентов, в их числе были, главным образом, условия вывода советских войск из Афганистана, оказались в то время основным камнем преткновения к достижению окончательных договоренностей между двумя странами.

С 3 по 15 апреля 1984 г. личный представитель генерального секретаря ООН вновь посетил регион и 8 апреля встретился в Кабуле с афганским лидером Б. Кармалем. Четыре с половиной месяца спустя, с 24 по 30 августа, был проведен третий раунд афгано–пакистанских переговоров. В соответствии с ранее достигнутым согласием сторон, они осуществлялись на близком расстоянии через посредничество Д. Кордовеса, то есть делегации двух стран одновременно располагались в соседних комнатах. Более чем годичный перерыв в переговорном процессе (с июня 1983 по август 1984 г.) был во многом вызван стремлением США затормозить развитие диалога в Женеве, еще более дестабилизировать кабульский режим и заставить русских «заплатить высокую цену за мир в Афганистане» [23]. Это нашло свое выражение в значительном увеличении американских ассигнований на нужды афганской вооруженной оппозиции и в массивных поставках ей оружия, в том числе и новейших образцов для борьбы с воздушными целями, и, как следствие этого, в дальнейшем ужесточении гражданской войны в Афганистане, к еще большему обострению советско–американских отношений.

В ходе обмена мнениями на данном (августовском) раунде ставились самые разные вопросы, однако в центре внимания сторон, тем не менее, оказались лишь два из них: во–первых, переход от непрямых к прямым переговорам и, во–вторых, прекращение вмешательства извне в дела Афганистана. Инициатором постановки обоих вопросов явилась афганская делегация, которая вполне оправданно заявила, что только прямые переговоры, будучи более продуктивными, могут ускорить поиск путей политического урегулирования обстановки вокруг Афганистана. При этом было подчеркнуто, что скорейшее мирное решение афганской проблемы окажет позитивное влияние на умы пакистанской и мировой общественности, оздоровление политического климата в регионе и будет, безусловно, отвечать не только афганским, но и долгосрочным социально–экономическим и политическим интересам Пакистана. Пакистанские переговорщики вновь, руководствуясь прежними соображениями, отклонили афганскую инициативу об изменении формы переговоров.

В рамках обсуждения второго вопроса – прекращения вмешательства извне в афганские дела – Пакистан выдвинул свое контрпредложение: обсудить в первоочередном порядке проблему присутствия в ДРА советских войск. При этом пакистанская сторона признала, что она вынуждена ставить этот вопрос под давлением своих союзников – США, Саудовской Аравии, Китая и Организации Исламская Конференция, с которыми Пакистан связан соответствующими обязательствами. В ответ афганской стороной было разъяснено, что вопрос о советском военном присутствии в Афганистане не может быть предметом межгосударственных афгано–пакистанских переговоров, так как он касается исключительно двусторонних советско–афганских отношений. Более того, было отмечено, что отсутствует и повод к постановке данного вопроса, поскольку советские войска не нарушали и не нарушают разграничительную линию между Афганистаном и Пакистаном.

На августовском (1984 г.) раунде женеvских переговоров продолжался также обмен

мнениями и по проблеме беженцев. Примечательным моментом этого раунда явилось то, что Пакистан перестал настаивать на обсуждении таких вопросов, как восстановление независимости Афганистана и его статуса неприсоединившегося государства и предоставление народу этой страны свободы выбора формы правления и ее руководителя.

Необходимо отметить, что, несмотря на сохранявшуюся несхожесть подходов сторон к вопросам политического урегулирования афганской проблемы и, главное, обструкцию переговорного процесса со стороны США, третий раунд женевского диалога позволил в известной мере уточнить позиции Афганистана и Пакистана. Хотя в целом этот раунд, по сравнению с другими, был менее результативным.

С 25 по 31 мая 1985 г. Д. Кордовес в очередной раз посетил Кабул и Исламабад и провел консультации с высшим руководством этих стран. Его планировавшаяся поездка в Тегеран была отменена по соображениям безопасности в связи с продолжавшейся ирано–иракской войной. В афганской столице Д. Кордовесу было заявлено, что делегация ДРА пока не намерена обсуждать в Женеве вопрос о присутствии советских войск в Афганистане и выводе их из страны, однако хотела бы, чтобы стороны, используя уже достигнутый прогресс, сосредоточились на окончательном согласовании своих позиций по трем основным проблемам – прекращении вмешательства во внутриафганские дела; обеспечении международных гарантий полного прекращения вмешательства извне; возвращении беженцев на родину. Кроме того, Д. Кордовесу была высказана просьба убедить Иран присоединиться к переговорному процессу или в двустороннем, или трехстороннем формате, как того пожелает иранская сторона.

Четвертый раунд афгано-пакистанских переговоров состоялся с 20 по 25 июня 1985 г., то есть почти год спустя после предыдущей встречи, хотя стороны, впрочем, предварительно договаривались провести его 14 февраля 1985 г. Вина за затяжку дипломатического процесса в Женеве полностью лежала на пакистанской стороне, которая на первых порах оправдывала свои действия занятостью в связи с проведением в стране 25 февраля 1985 г. всеобщих парламентских выборов, а затем, после февраля, не приводя каких-либо доводов в свою пользу, просто игнорировала все призывы к продолжению диалога. Кроме того, Пакистан, действуя в избранном ключе, отверг также и предложение Д. Кордовеса провести в предварительном порядке (до встречи в Женеве) неформальные переговоры представителей двух стран. Позиция Пакистана на затяжку переговоров заставила министерство иностранных дел ДРА заявить публично пакистанской стороне решительный протест [24].

При всех сложностях дипломатического процесса в Женеве, в ходе июньских (1985 г.) переговоров было достигнуто согласие по ряду важных вопросов афганского урегулирования. Стороны, в частности, пришли к единому мнению относительно необходимости создания двусторонней комиссии по проблеме беженцев. Но, пожалуй, одним из основных достижений этого раунда переговоров явилось завершение подготовки и согласования проекта афгано-пакистанского соглашения по вопросу о гарантиях. Москва незамедлительно, без каких-либо оговорок и условий объявила о своей готовности взять на себя роль одного из гарантов афганского урегулирования. Что касается США, то они лишь спустя два месяца (23 августа), в преддверии пятого раунда переговоров, сообщили Д. Кордовесу в устной форме о своем согласии стать гарантом, правда, только при условии, если будет выработано и принято политическое решение по вопросу о выводе советских войск из Афганистана. Выдвигая данные условия, США, несомненно, хотели этим оказать давление на Москву и Кабул, заставить их быть более уступчивыми на переговорах, поскольку именно на указанном раунде должен был обсуждаться вопрос о выводе советских войск. Стоит заметить, что письменное согласие выступить в качестве гаранта США дали только 13 декабря 1985 г. то есть за три дня до начала шестого раунда переговоров.

Афганская делегация и на сей раз не упустила случая, чтобы снова призвать своих пакистанских партнеров изменить форму переговоров и перейти к прямым контактам. В

связи с этим министр иностранных дел Пакистана Якуб-хан, явно стремясь «сохранить лицо» в глазах пакистанской и мировой общественности, заявил, что страна в будущем, возможно, и сядет за общий с делегацией ДРА стол переговоров, если на это будет добрая воля парламента его страны, а также согласие зарубежных друзей Пакистана. Но во всяком случае, подчеркивал он несколько позже, это может случиться только после полного завершения разработки и согласования всех четырех документов, включая и соглашения о взаимосвязи всех аспектов договоренностей по урегулированию ситуации вокруг Афганистана.

В целом же к лету 1985 г. был готов почти весь пакет женеvских договоренностей (по словам советского дипломата Г.М. Корниенко, на 98 процентов [25]. Единственным вопросом, который оставался еще не согласованным, был вопрос о сроках, условиях и порядке вывода советского воинского контингента из Афганистана [26].

С августа 1985 по апрель 1988 г. прошло еще четыре раунда афгано-пакистанских переговоров (пятый – с 27 по 30 августа 1985 г.; шестой – 16–19 декабря 1985 г.; четыре этапа седьмого раунда – 5–23 мая и 31 июля – 8 августа 1986 г., 25 февраля – 9 марта и 7–11 сентября 1987 г., восьмой – со 2 марта по 8 апреля 1988 г.). На них продолжалось нелегкое обсуждение возможного содержания проекта документа о взаимосвязи различных аспектов политического урегулирования афганской проблемы. Пятый раунд оказался безуспешным. В ходе шестого раунда глава афганской делегации Ш.М.Дост, пытаясь сдвинуть переговоры с мертвой точки, изложил Д.Кордовесу свое видение содержания проекта документа о взаимосвязи и подчеркнул, что ДРА никогда не отрицала необходимости взаимоувязки различных элементов политического урегулирования положения вокруг Афганистана с выводом советских войск из страны.

Нужно заметить, что в рассматриваемый период США, Пакистан и консервативные исламские режимы региона (прежде всего Саудовская Аравия) всеми своими поступками и действиями демонстрировали полную незаинтересованность в быстрейшем политическом урегулировании афганской проблемы. Они год от года продолжали наращивать военную и финансовую помощь афганским моджахедам (к примеру, только с 1984 по 1985 г. она возросла более чем вдвое) и усиливать по всем направлениям информационно-психологическое [27] и дипломатическое давление на Москву и Кабул с тем, чтобы еще больше дестабилизировать кабульский «коммунистический» режим, затянуть как можно дольше войну в Афганистане и официальное подписание женеvских договоренностей и таким образом заставить своих идеологических противников принять их (Запада и его союзников) условия игры, при которых афганские «коммунисты» не только были бы в дальнейшем лишены власти, но и полностью устранены из общественно-политической жизни страны. Затягивая войну в Афганистане и сполна используя афганский фактор в информационной войне, Вашингтон одновременно стремился реализовать и свою главную стратегическую цель – максимально ослабить Советский Союз, подорвать его престиж на международной арене и дискредитировать все еще привлекательную в мире социалистическую идею общественного и государственного устройства.

Впрочем, в затяжке дипломатического процесса по Афганистану было повинно и высшее советское партийно-государственное руководство во главе с М.С. Горбачевым. Окончательно определив еще в 1985 году стратегическую цель на афганском направлении – как можно быстрее закончить войну, вывести свои войска на родину и оставить Афганистан независимым, нейтральным, неприсоединившимся миролюбивым и дружественным Советскому Союзу государством, оно, тем не менее, долгое время не имело четко выработанной, сбалансированной и реалистичной программы относительно конкретных деталей будущего государственного устройства Афганистана, Все это, конечно, не могло не оказывать тормозящего воздействия на женеvский переговорный процесс. По свидетельству упоминавшегося выше Г.М. Корниенко, в те годы в Комиссии политбюро ЦК КПСС по Афганистану и в самом политбюро по проблеме будущего

устройства Афганистана существовали «две принципиально различные точки зрения» [28]. Одна из них, которую разделяли и отстаивали маршал С.Ф. Ахромеев и Г.М. Корниенко, сводилась к тому, чтобы НДПА в будущем, в рамках нового режима заняла «законное, но весьма скромное место» (подчеркнуто мною. – М.С.). Исходя из этой установки, авторы данной идеи полагали, что НДПА «должна будет заявить о своей готовности еще до вывода советских войск добровольно уступить большую долю власти» и проявить «инициативу по созданию подлинно коалиционного правительства, в котором были бы представлены интересы различных слоев афганского общества». Любопытная деталь: предлагая и отстаивая на заседаниях Комиссии политбюро по Афганистану такого рода программу действий по внутриафганскому урегулированию, указанные деятели в то же время, по их собственному признанию, не питали особой надежды относительно ее практической осуществимости. Единственный шанс на успех на этом пути им виделся лишь в поддержке Запада, который–де, как им казалось, «не заинтересован в полной победе в Афганистане исламских фундаменталистов» [29]. Святая наивность! Если иметь в виду реалии биполярного мира, то данная позиция московских разработчиков представляется не столько спорной, сколько иллюзорной. Дело в том, что США и их союзники при решении афганского вопроса всегда (вплоть до 11 сентября 2001 г.) делали главную ставку исключительно на крайне правые, экстремистские группировки афганской вооруженной оппозиции и надеялись именно при их непосредственном участии реализовать свой сокровенный лозунг «Афганистан без коммунистов». В этой схеме для леводемократических сил просто не оставалось места.

Другой точки зрения по вопросу о будущем устройстве Афганистана придерживались министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, первый заместитель председателя Комитета государственной безопасности СССР (с 1985 г. – председатель КГБ) В.А. Крючков и ряд других деятелей, входивших в состав Комиссии политбюро по Афганистану и само политбюро. В противовес Ахромееву–Корниенко, они полагали, что «и после вывода советских войск НДПА сможет если и не сохранить всю полноту власти, то во всяком случае играть определяющую, «руководящую» роль в новом режиме» (подчеркнуто мною. – М.С.) [30]. В связи с этим данная группа деятелей выступала за создание еще до вывода советских войск «запаса прочности» для левого кабульского режима.

Думается, что и этот вариант разблокирования афганского конфликта и послевоенного устройства страны, при котором НДПА оставалась бы у власти в качестве "определяющей" политической силы, вряд ли бы устроил и Запад, и вооруженную оппозицию, и тем не менее, при определенной корректировке этого курса и, главное, при максимальном сохранении баланса всех завязанных в афганском конфликте военно–политических сил он мог бы наилучшим образом отвечать нуждам умиротворения Афганистана и сохранения вектора демократического развития этой страны в будущем. К сожалению, этого не случилось.

Если быть объективным и справедливым до конца, то левый кабульский режим стал целенаправленно создавать этот «запас прочности» начиная с 1980 г., параллельно с выдвиганием мирных инициатив по афганскому урегулированию. Первоначально основное внимание уделялось, наряду с военным противодействием непримиримой оппозиции, укреплению основ управления и власти в центре и на местах и расширению социальной базы режима. Уже к середине 80-х годов в стране появились стройная и успешно действующая вертикаль власти сверху донизу и разветвленная политическая система общества, включавшая многие демократические институты, реорганизованы и укреплены силовые структуры государства, способные вести самостоятельно и с успехом борьбу с антиправительственными вооруженными формированиями, функционировала национальная экономика и торговля и, более того, восстанавливались разрушенные в ходе гражданской войны промышленные, сельскохозяйственные и инфраструктурные объекты и строились новые. В январе 1987 г. был создан Высший чрезвычайный совет по

национальному примирению и его отделения во всех провинциях и в большинстве уездов. Главой президиума этого Совета был избран известный политический деятель Афганистана, бывший депутат королевского парламента от Кандагара, беспартийный Абдурахим Хатеф.

С середины 1987 г., когда созданная по аналогии с СССР однопартийная система вошла в противоречие с потребностями демократического развития Афганистана и стала препятствием к умиротворению страны, правящий режим во главе с Наджибуллой провозгласил многопартийную систему и активизировал процессы либерализации устоев власти и общественно-политической жизни. Получили легальный статус некоторые леводемократические организации и группировки, действовавшие до этого полулегально, создан блок леводемократических партий, стали выходить независимые (частные) газеты, в органы власти и управления на различных уровнях начали широко привлекаться представители прежней (дореволюционной) интеллектуальной элиты, религиозные и светские авторитеты, известные в прошлом политические деятели. Год от года увеличивалось их представительство в центральном правительстве и в местной администрации. Если в декабре 1987 г. в составе кабинета министров члены НДПА составляли 74%, члены Революционной организации трудящихся Афганистана – 5,5%, а беспартийные – 20,5 %, то в коалиционном правительстве, сформированном в мае 1988 г. во главе с бывшим вице-премьером периода республиканского правления М. Дауда М.Х. Шарком, беспартийные и представители не входящих в НДПА организаций получили уже больше половины министерских портфелей. К этому времени 40 % губернаторов провинций были беспартийными. Вместе с тем НДПА пошла дальше и была готова во имя прекращения братоубийственной гражданской войны поделить власть и с вооруженной оппозицией. Наджибулла в своем обращении по телевидению 14 июля 1987 г. предложил ее представителям войти в коалиционное правительство и занять в нем 25 министерских постов (из 47). Следует оговориться: НДПА все же сохраняла за собой в этом правительстве все ключевые посты [31]. Примером практической реализации установки на либерализацию режима явились всеобщие парламентские выборы, проведенные в Республике Афганистан на многопартийной основе с 5 по 14 апреля 1988 г. В итоге НДПА в Национальном совете получила 53 мандата (22,65 %), другие партии и общественные организации – 114 (48,5 %) и индивидуальные выдвиженцы (независимые) – 68 (около 29 %) [32].

По приблизительным подсчетам, кабульский режим во второй половине 80-х годов пользовался сочувствием и активной политической поддержкой не менее чем 6 млн. человек, прежде всего из числа населения городских центров. Масштабы его сторонников значительно увеличились с провозглашением в январе 1987 г. политики национального примирения. В рамках этой политики афганское правительство за 10 месяцев указанного года сделало вооруженной оппозиции 14 заявлений о компромиссах и уступках. Более того, Наджибулла выразил готовность вести переговоры с любым из лидеров сопротивления по проблемам прекращения братоубийственной войны [33].

Вернемся к заключительным раундам женевских переговоров. После 1985 г. они продолжали топтаться на месте. Вашингтон не имел никакого желания дать согласие на подписание уже подготовленных документов, выжидая, когда Советы и кабульский «коммунистический» режим будут окончательно загнаны в угол и вынуждены будут под военным натиском «борцов за свободу», а также дипломатического и политического давления на международной арене пойти на максимальные уступки по афганскому вопросу, вплоть до полного отстранения левых от власти в Кабуле. Ради достижения этих целей постоянно со стороны Запада и его союзников в регионе увеличивалась военная помощь моджахедам, а осенью 1986 г. администрация США приняла решение поставить им и ракеты «Стингер». Параллельно с этим были предприняты очередные попытки создать единый фронт сопротивления в рамках т.н. «Исламского союза моджахедов Афганистана» (май 1985 г.), развернута шумная кампания вокруг создания из числа

моджахедов правительства в изгнании или же правительства на территории Афганистана как альтернативы правительству ДРА (1986 г.), организованы поездки в Вашингтон и многочисленные встречи лидеров афганской вооруженной оппозиции на государственном уровне, в том числе и с президентом США Р.Рейганом, участилось проведение по всему миру разного рода встреч, форумов, симпозиумов, коллоквиумов, круглых столов и пр. по афганскому вопросу с намерением через информационно–психологические операции привлечь симпатии мировой общественности к афганским силам сопротивления. США, кроме того, в эти годы серьезно, на самом высоком государственном уровне вынашивали идею дипломатического признания моджахедов (при соответствующих обстоятельствах) «воюющей стороной» и перевода в связи с этим женевских переговоров в новый формат – в переговоры между афганскими «борцами за свободу» и Советским Союзом.

Топтание на месте женевского переговорного процесса происходило в определенной мере и по вине Москвы. Она долгое время никак не могла определиться относительно временных рамок вывода своих войск из Афганистана. И лишь в конце 1986 г., вслед за выводом шести полков из состава ОКСВ, московское руководство, наконец–то, сообщило Кабулу о своем твердом намерении вывести все советские войска из страны в течение не более чем полутора–двух лет, правда, при этом, не назвав конкретной даты начала этого процесса [34]. В сентябре 1987 г. (в ходе седьмого раунда переговоров) афганская делегация, по согласованию с Москвой, выдвинула в Женеве предложение о сокращении срока вывода ОКСВ с 16 до 12 месяцев [35]. Таким образом, был сделан еще один шаг к сближению позиций договаривавшихся сторон. Следует отметить, что существенный прорыв в женевском дипломатическом процессе произошел после советско–американской встречи в верхах, состоявшейся в Вашингтоне в декабре 1987 г. На ней США согласились пойти на подписание соглашений по Афганистану с тем, чтобы "позволить Советскому Союзу уйти из этой страны «по-хорошему» [36].

Москве оставалось сделать ответный ход и тем самым устранить последнее препятствие на пути к завершению афгано–пакистанских переговоров в Женеве. Речь в данном случае могла идти, разумеется, только об объявлении точной и по возможности близкой даты начала и сроках окончания вывода советских войск из Афганистана. И это было сделано лидерами Советского Союза и Республики Афганистан в их Заявлениях от 8 февраля 1988 г. В них объявлялось о взаимной договоренности «установить конкретную дату начала вывода советских войск – 15 мая 1988 г. – и завершить их вывод в течение 10 месяцев». Такое решение мотивировалось ими стремлением «содействовать быстрому и успешному завершению афгано-пакистанских переговоров в Женеве» и созданию необходимых предпосылок для внутриафганского урегулирования [37]. Стороны сообщили также о своей готовности подписать женевские соглашения уже 15 марта или даже раньше этой даты, а, значит, в последнем случае и раньше намеченных сроков начать вывод войск.

Как явствовало из указанных заявлений, руководителей Советского Союза и Республики Афганистан особо беспокоил вопрос, «не разгорятся ли еще больше военные столкновения после ухода советских войск». Отвечая по этому поводу, Наджибулла заявил: «Мы верим, что после возвращения советских войск на родину у нас в стране не усилятся военные противоборства». Что касается Горбачева, то он также надеялся, что «Женевские обязательства закроют путь для оказания извне помощи тем, кто рассчитывает вооруженной силой навязать свою волю всему народу» [38]. Следует заметить, что, наряду с такого рода весьма завышенным оптимизмом, ими допускалась и вероятность разрастания военного конфликта в стране по вине противников Республики Афганистан. В этом случае все надежды на умиротворение страны возлагались Москвой и Кабулом на Организацию Объединенных Наций и ее Совет Безопасности.

В преддверии очередного раунда афгано–пакистанских переговоров Москву и Кабул волновали также и попытки их противников увязать завершение переговоров в Женеве и вывод советских войск с завершением усилий по созданию в Афганистане

коалиционного правительства и тем самым не просто затянуть, но и свести на нет весь процесс женевских переговоров. По их мнению, указанные две проблемы абсолютно не связаны между собой, поскольку, как это отмечалось в Заявлении Наджибуллы, «национальное примирение и создание такого правительства – чисто внутренний афганский вопрос, и его должны решать сами афганцы».

Идея увязки проблемы вывода советских войск с созданием афганского коалиционного правительства была озвучена лидерами афганской вооруженной оппозиции («альянс семи») на совещании, состоявшемся в Пешаваре в феврале 1988 г. Они единогласно приняли решение создать переходное правительство Афганистана, которое, по их замыслу, должно было обеспечить условия вывода советских войск и возвращения беженцев, а также в течение 6 месяцев подготовить и провести всеобщие выборы. По предложенной «альянсом» структуре, в коалиционный кабинет должны были войти 28 членов, в том числе 14 представителей моджахедов, 7 представителей беженцев и 7 мусульман, проживающих в Афганистане. Участие кабульских «коммунистов» в таком правительстве категорически отвергалось [39]. Короче говоря, лидеры «альянса семи» предлагали в ультимативной форме устранить правительство Наджибуллы и передать власть в Афганистане моджахедам еще до начала вывода советских войск. Естественно, ни Москва, ни Кабул не могли принять такого рода ультиматум.

Свою позицию по данному вопросу афганское руководство изложило Д. Кордовесу, который в феврале 1988 г. в очередной раз посетил регион с целью подготовки условий для возобновления афгано-пакистанских переговоров. В Кабуле ему было заявлено, что проблема создания коалиционного правительства выходит за рамки женевского диалога и не может быть предметом афгано-пакистанских обсуждений.

И все же Пакистан под занавес переговорного процесса (восьмой раунд проходил со 2 марта по 8 апреля 1988 г.) не упустил возможность втянуть афганскую делегацию в обсуждение еще одного, весьма щекотливого для афгано-пакистанских отношений вопроса – вопроса о границе. Он выдвинул в качестве неперемennого условия подписания женевских соглашений требование внести в них формулировку о государственной границе между Афганистаном и Пакистаном, надеясь таким образом, без особых трудов легитимировать ее. Расчет строился на том, что Москва, горевшая в тот момент желанием как можно быстрее выбраться из афганского капкана, и на сей раз пойдет на уступки и заставит своих кабульских протезе согласиться с предложенной формулировкой. Однако этого не случилось, хотя переговоры пакистанской стороне, тем не менее, удалось затянуть. В текст «Соглашения о принципах взаимоотношений» вошла лишь весьма обтекаемая формулировка о «ненарушении границ друг друга» [40].

14 апреля 1988 г. афганская и пакистанская делегации впервые за почти шестилетний период непрямых переговоров лично встретились в Женеве, в здании европейской штаб-квартиры ООН, и, сев за общий стол, подписали два двусторонних соглашения между Афганистаном и Пакистаном – «О принципах взаимоотношений и, в частности, о невмешательстве и об отказе от интервенции» и «О добровольном возвращении беженцев». Подписи поставили за правительство РА А. Вакиль, а за правительство ИРП – З. Нурани. Два других документа – «Декларацию о международных гарантиях» и «Соглашение о взаимосвязи для урегулирования положения, относящегося к Афганистану» (к нему прилагался «Меморандум понимания») – подписали за правительство СССР министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе и за правительство США госсекретарь Дж. Шульц. В соответствии с женевскими договоренностями, Советский Союз обязался вывести свои войска из Афганистана в течение 9 месяцев (вместо ранее намечавшихся 10 месяцев), в два этапа – с 15 мая по 15 августа и с 15 ноября 1988г. по 15 февраля 1989 г. Все указанные документы вступили в силу 15 мая 1988 г.

В соответствии с Соглашением о принципах взаимоотношений между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан, стороны взяли на себя, в частности,

следующие обязательства: уважать суверенитет, политическую независимость, территориальную целостность, национальное единство, безопасность, статус неприсоединения, национальную самобытность и культурное наследие народов каждой договаривавшейся стороны; уважать право каждой стороны определять собственную политическую, экономическую, культурную и общественную системы; воздерживаться от угрозы силой или ее применения для свержения или изменения политической системы другой стороны; обеспечивать, чтобы своя территория не использовалась каким-либо образом для нарушения суверенитета, политической независимости, территориальной целостности и национального единства другой стороны; воздерживаться от содействия, поощрения или поддержки прямым или косвенным образом повстанческой или сепаратистской деятельности против другой стороны; не допускать какой-либо помощи или использования, или терпимости в отношении террористических групп, саботажников или диверсантов, действующих против другой стороны; не допускать на своей территории присутствия, укрытия в лагерях и на базах, организации, обучения, финансирования, снаряжения и вооружения лиц и политических, этнических и любых других групп в целях ведения подрывной деятельности, создания беспорядков или волнений на территории другой стороны; и др. В соглашении о взаимосвязи, подписанном США, также заявлялось, что «начиная с 15 мая 1988 г. не будет вмешательства и интервенции в любой форме в дела Сторон» (подчеркнуто мною. – М.С. [41]).

Так закончились продолжавшиеся почти шесть лет афгано–пакистанские переговоры. Их успех по праву разделили обе стороны. Вместе с тем особая заслуга, несомненно, принадлежала афганской дипломатии, так как она первой выступила с серией конструктивных мирных инициатив, которые затем были положены в основу переговорного процесса в Женеве. Кроме того, афганская делегация, думается, выбрала на переговорах более правильную тактику их ведения, которая максимально учитывала интересы обеих сторон. Конечно, были и изъяны, и непростительные ошибки, о чем говорилось выше. Видимо, можно было бы, к примеру, попытаться в документе о взаимосвязи поставить также и вопрос об условиях освобождения советских воинов, захваченных моджахедами. К сожалению, это не было сделано, поскольку советское руководство в те годы упорно не хотело признать их военнопленными.

В целом женевские договоренности, заложив основы для позитивного решения афганской проблемы, безусловно, могли бы открыть путь к установлению подлинного мира на афганской земле и обеспечить безопасность и стабильность в регионе, если бы не маниакальная непримиримость «борцов за веру» к кабульскому левому режиму и западная политика двойных стандартов и, главное, циничное пренебрежение США к нормам международного права и его основному постулату – международные договоры и соглашения должны соблюдаться и выполняться (об этом будет сказано далее). Американская администрация идет, как это показывает исторический опыт, на любые нарушения норм правового и морально–этического характера ради достижения стратегических целей США. Эти цели, по словам одного из специалистов Института мира в Вашингтоне, сводились на средневосточном и центральноазиатском направлениях к следующему: ликвидировать режим Наджибуллы в Кабуле, превратить Афганистан в плацдарм (базу) для борьбы с Ираном и для последующего проникновения в советскую Среднюю Азию [42].

Что касается афганской вооруженной оппозиции, то она категорически отвергла все женевские договоренности и не считала себя никоим образом связанной ими в своих действиях. Она жаждала только военной победы и установления в Афганистане единоличной власти исламских фундаменталистов.

Афганская проблема после Женевы

Вывод советских войск из Афганистана внешне напоминал скорее организованное

бегство по принципу «Пропади все пропадом. Мы уходим, а там, после нас хоть трава не расти!», чем уход с достоинством и честью армии, выполнившей свой воинский долг и искренне обеспокоенной за судьбу остающихся наедине с врагом своих друзей. Автору этих строк, работавшему в те годы и месяцы в Афганистане, не раз приходилось слышать из уст высокопоставленных государственных и политических деятелей и простых людей страны недоуменные (точнее – риторические) вопросы о том, чем вызвана такая поспешность с организацией ухода и что стоит за подобного рода «стратегией». А творилось что-то невообразимое. Еще до 15 мая 1988 г. многие советские воинские части, дислоцированные вдоль афгано–пакистанской границы, были спешно выведены к кольцевой дороге Пули-Хумри-Саланг-Кабул-Кандагар-Герат, чтобы прикрыть главную автомобильную магистраль. Возможно, с точки зрения стратегии надежного прикрытия автомагистрали, по которой должны были выводиться войска, это было совершенно оправданной мерой. Но в то же время о каком создании «запаса прочности» для левого кабульского режима можно было говорить, если по прямой вине московских стратегов неприкрытой оказалась огромная территория к югу от указанной кольцевой дороги?! В результате моджахеды, следуя буквально по пятам советских войск, за считанные дни смяли хрупкие афганские пограничные заставы и армейские гарнизоны, проправительственные ополченческие формирования и отряды самообороны вместе с местными органами власти и вышли на ближайшие подступы к афганской столице. С мая 1988 г. практически нормой стали их ежедневные ракетные и артиллерийские обстрелы Кабула.

По западным данным, только с марта по май 1988 г. в руки моджахедов почти без боя перешли 11 уездных центров (для сравнения: в рассматриваемой зоне в то время имелось до 70 уездов) [43]. К «борцам за веру» примкнули тысячи солдат правительственных войск и бойцов различных проправительственных иррегулярных формирований. Афганские военные в районах, которые покидались советскими войсками, не имея возможности сдержать натиск врага, а также и из-за неверия в свои собственные силы, вынуждены были оставлять свои позиции и при отходе уничтожать боевую технику и военное имущество, чтобы они не достались противнику. Небезынтересная деталь: советское военное командование в Афганистане пыталось подать все это как злой умысел афганской стороны и, более того, возложить вину за происходившее на президента Наджибуллу. Приведу в качестве примера один фрагмент из доклада в августе 1988 г. руководителя Оперативной группы Министерства обороны в Афганистане генерала армии В.И.Варенникова министру обороны СССР генералу армии Д.Т. Язову: «Афганским военным (МО, МВД и МГБ), – писал он, – с ведома Наджибуллы ничего не стоит, например, при передислокации частей из одного пункта в другой и в ходе выполнения боевых задач уничтожать в прежних районах дислокации большое количество техники, боеприпасов, горючего и других материальных ценностей» [44].

Как обнаружилось уже с начала вывода советских войск, Пакистан и США, подписав женеvские соглашения и поддержав на словах политическое урегулирование афганской проблемы, на деле не помышляли выполнять ни одно из взятых на себя обязательств. При их участии и покровительстве с еще большими интенсивностью и размахом продолжались военная интервенция и подрывные действия против Республики Афганистана, в том числе и с использованием пакистанских военных специалистов и регулярных войск, не прекращалось предоставление территории Пакистана для присутствия, укрытия в лагерях и на базах, обучения, финансирования, снабжения и вооружения отрядов афганских моджахедов, а также ведения враждебной Кабулу клеветнической информационно–пропагандистской кампании. Непрерывным потоком из Пакистана в Афганистан шли сотни караванов с оружием и боеприпасами. Только за первую половину мая 1988 г. в страну с пакистанской территории проникли 15 групп мятежников общей численностью 1,8 тысяч человек [45]. Одновременно при содействии Вашингтона и арабских режимов региона наращивался контингент наемников, в том

числе и по линии «Аль-Каиды», для борьбы против кабульского режима [46].

В этих условиях Советский Союз в сентябре 1988 г. предупредил США, что не может допустить, чтобы женевские документы превращались в пустую бумажку. Исходя из этого, советская сторона предложила провести встречу в Нью-Йорке четырех министров иностранных дел – США, СССР, Пакистана и Афганистана – с участием представителя генерального секретаря ООН или его самого для обсуждения ситуации, сложившейся вокруг Афганистана. К сожалению, данный призыв остался гласом вопиющего в пустыне. В такой обстановке оказалась бессильной выполнить в полном объеме свои функции также и Миссия добрых услуг ООН в Афганистане и Пакистане (ЮНГОМАП), направленная сюда генсеком ООН весной 1988 г.

В ходе вывода советских войск пакистанские спецслужбы (Управление межведомственной разведки – «Интерсервисиз интеллидженс директорит») вместе с аналогичными структурами США, Саудовской Аравии и ряда других стран региона развернули усиленную подготовку афганской вооруженной оппозиции к битве за Кабул. Следует заметить, что после гибели в августе 1988 г. в авиакатастрофе президента Зия-уль-Хака, который называл женевские соглашения «фиговым листком», среди определенной части правящих кругов Пакистана возникли сомнения относительно правильности курса на военное решение афганской проблемы и приведение к власти в Кабуле исламских фундаменталистов. 19 сентября 1988 г. Якуб-хан (с июня этого года он снова занял кресло министра иностранных дел Пакистана) выступил на заседании Чрезвычайного совета с предложением решать афганский вопрос по дипломатическим каналам и под контролем его внешнеполитического ведомства. Хотя это предложение и было отвергнуто в принципе, однако было решено проводить в жизнь двухступенчатую политику: Управлению межведомственной разведки поручалось заниматься военным аспектом афганской проблемы, а МИД страны – изучением возможности мирной передачи власти в Афганистане. Позиция Якуб-хана еще больше усилилась с приходом к власти в декабре 1988 г. премьера Беназир Бхутто. Она, опасаясь, что зияульхаковская идея создания «великого Пакистана» может спровоцировать пуштунов по обе стороны границы к движению за создание «великого Афганистана» и тем самым поставить под вопрос территориальную целостность страны, рассматривала мирное, политическое урегулирование афганской проблемы как наиболее отвечающее долгосрочным интересам Пакистана [47].

Якуб-хан, приобретший огромный опыт в поисках компромиссов в ходе многолетнего женевского переговорного процесса, хорошо знавший специфику афганского конфликта и, вообще, как дальновидный политик, исходил из того, что конструктивное политическое урегулирование афганского вопроса, включая и вопроса о власти в стране, возможно лишь при широком участии всех вовлеченных в него сторон: вооруженной антиправительственной оппозиции (как умеренного, так и фундаменталистского толков), пуштунских и других этнонациональных лидеров, представителей беженцев, известных эмигрантских деятелей, включая экс-короля Захир-шаха и его окружение, религиозных (суннитских и шиитских) авторитетов и населения страны. Якуб-хан не исключал также и участие в решении судьбы Афганистана и лиц, близких к левому кабульскому режиму. Другими словами, позиция главы пакистанского внешнеполитического ведомства во многом совпадала с планом ООН по афганскому урегулированию.

При всей остроте борьбы и несовместимости приведенных двух линий в высшем пакистанском руководстве по проблеме Афганистана верховенство все же оставалось за военщиной и спецслужбами. На их стороне были не только сила армии и ее фактически признанная, традиционная роль активно вмешиваться в политическую жизнь Пакистана, но и всеобъемлющая поддержка и помощь со стороны Запада (прежде всего США) и консервативных исламских режимов региона.

Как уже отмечалось, администрация США в рассматриваемый период продолжала

проводить в жизнь жесткий курс в отношении Кабула. Уверовав в то, что после вывода советских войск кабульский «коммунистический» режим не продержится и нескольких месяцев, а, может быть, и недель, Вашингтон, наряду с расширением военных постановок силам афганского сопротивления (кстати, женевские соглашения, к сожалению, не содержали положения о прямом запрете военной помощи противоборствующим сторонам), вплотную занялся поисками удобного себе деятеля на власть в «посткоммунистическом» Афганистане. К этому времени американцев совершенно не стал устраивать бывший у них долгое время до этого в фаворе лидер Исламской партии Афганистана, фундаменталист–ортодокс, пуштун по национальности Гульбедин Хекматъяр из-за его участвовавших, резких антиамериканских высказываний. В связи с этим США переориентировались с широкой поддержки Г. Хекматъяра на «умеренного» фундаменталиста, главу Исламского общества Афганистана, таджика Бурхануддина Раббани, видя в нем наиболее приемлемого кандидата на пост главы будущего кабульского режима [48]. Таким образом, США в вопросе о власти в будущем Афганистане продолжали неизменно ставить на экстремистское, фундаменталистское крыло антиправительственной оппозиции и меньше всего обращали внимание на ее умеренную, традиционалистскую часть.

Что касается Б. Раббани, то он хорошо понимал, что для занятия достойного места под солнцем в Афганистане, где испокон веков на политическом олимпе находились и правили пуштуны, ему таджику по национальности, была далеко не достаточной поддержка только США, Пакистана и консервативных исламских режимов региона. Ему крайне важно было обеспечить себе еще и поддержку если не большинства населения страны, то хотя бы ее национальных меньшинств. Чтобы добиться этого, для него не было другого пути, кроме как первым захватить Кабул и тем самым продемонстрировать военную силу и мощь своей организации. В рамках данного замысла Б. Раббани в октябре 1988 г. в сопровождении шести пакистанских генералов пробрался на джипах и мулах в долину Панджшера. Здесь при их непосредственном участии был разработан план создания регулярных вооруженных сил для штурма афганской столицы под руководством Ахмад Шаха Масуда [49]. Чуть позже между Управлением межведомственной разведки Пакистана и руководством «альянса семи» была достигнута договоренность о направлении до восьми тысяч афганцев в пакистанские военные учебные центры для подготовки из их числа костяка «регулярной армии» сил джихада. Подготовка военных специалистов для такой «армии», включая летчиков, велась также и в США [50].

Уверовав в свои силы и безнаказанность, Пакистан взял на себя роль главного агрессора в афганской войне. 5 марта 1989 г. пакистанское высшее гражданское и военное руководство провело совещание с участием американского посла в Пакистане Р. Оукли и приняло решение о проведении операции по захвату Джалалабада, важного стратегического и хозяйственного центра к востоку от Кабула, с далеко идущей целью: обеспечить плацдарм для последующего наступления на Кабул и создать условия для провозглашения правительства сил сопротивления непосредственно на территории Афганистана [51]. Весьма показательным, что пакистанские власти на сей раз даже не сочли нужным пригласить на совещание кого-либо из лидеров «альянса семи». Однако, вопреки ожиданиям, более чем двухмесячный штурм Джалалабада, в котором, кроме отрядов моджахедов, принимали участие тысячи пакистанских военнослужащих и малишей (ополченцев) и иностранных наемников, провалился. Не успокоившись на этом, пакистанская военщина перенесла свое внимание на создание горячих точек в других районах Афганистана, в частности в Кандагаре и Хосте [52].

Столкнувшись с актами прямой агрессии Пакистана против Республики Афганистан и невиданной ранее активизацией деятельности вооруженной оппозиции, режим Наджибуллы не прекратил поиск путей и средств для мирного разрешения афганского кризиса. На дипломатическом поприще Кабул совместно с Москвой выступил в 1989 году с новым предложением о созыве международной конференции по

Афганистану, а также и региональной конференции с участием стран-соседей Афганистана. В международной конференции предусматривалось участие таких стран, как Пакистан, Иран, Китай, Индия, Советский Союз, США, а также представителя ООН и представителей афганских сил, завязанных в конфликте. Кроме того, кабульское руководство продолжало тесно сотрудничать с генеральным секретарем ООН, который в соответствии с резолюцией 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ноябрь 1988 г.) получил мандат на личное участие и содействие процессу афганского урегулирования.

Во внутренней политике режим Наджибуллы, отказавшись от монополии НДПА на власть, продолжал курс на укрепление и расширение коалиционных основ власти и управления в стране. Вслед за правительством беспартийного М.Х. Шарка (с 26 мая 1988 г. по 20 февраля 1989 г.) в апреле 1990 г. к власти был приведен кабинет другого беспартийного Ф.Х. Халекаяра. В составе его правительства из 28 министерских портфелей только 6 (т.е. 21,4%) принадлежали членам НДПА (с июня – Партия Отечества). Ряд высших государственных постов был предложен вооруженной оппозиции. Однако последняя, делая расчет исключительно на военную победу, решительно отвергла это предложение. В феврале 1989 г. в связи с осложнением военно-политической обстановки указом президента Наджибуллы, в соответствии с его конституционными полномочиями, в стране было введено чрезвычайное положение.

Не встретив поддержки со стороны США и стран региона относительно созыва указанных выше международной и региональной конференций и не получив от них ответа на свои многочисленные предложения, обращения, заявления и ноты протеста, режим Наджибуллы выступил во второй половине 1989 г. с новым планом по афганскому урегулированию, который включал следующие основные предложения: начать переговоры между правительством РА и всеми организациями, группировками, кругами и афганскими лицами, заинтересованными в прекращении кровопролития и восстановлении мира; провести всеафганскую мирную конференцию с целью создания руководящего совета, отражающего взгляды различных политических группировок, и объявления решения о прекращении огня на 6 месяцев; создать коалиционное правительство на широкой основе, сформировать комиссию по разработке новой конституции и подготовить закон о выборах в парламент; созвать Лоя джиргу для утверждения новой конституции и закона о выборах; провести всеобщие выборы под наблюдением ООН; провести международную конференцию с целью выработки договоренностей о прекращении поставок всех типов оружия воюющим сторонам. Президент Наджибулла на заседании всеафганской Лоя джирги, состоявшейся в Кабуле 28–29 мая 1990г., предложил, кроме того, провести референдум под наблюдением ООН как на территории, контролируемой правительством, так и в районах, находящихся под влиянием оппозиции, и в лагерях беженцев по вопросу о прекращении огня или приостановке боевых действий [53]. В конце 1990 г. афганское правительство в развитие своего плана по афганскому урегулированию выдвинуло ряд дополнительных предложений, а именно: поставить под контроль ООН афганские границы; осуществить демилитаризацию страны; накануне проведения общенациональных выборов под международным контролем распустить существующие в Афганистане государственные структуры (президент, правительство, парламент) и создать временный орган (комитет, совет и т.п.), который бы взял на себя функции по управлению страной, подготовке и проведению выборов. Последнее предложение означало, что Наджибулла и его правительство добровольно отказываются от власти. Но это не означало, что ликвидируются все общественно-политические структуры прежнего режима и отстраняются от участия в афганском урегулировании все лица, связанные с тем режимом. Следует отметить, что многие из приведенных выше предложений кабульского правительства в той или иной форме вошли в план ООН по мирному решению афганской проблемы. Его разработкой и согласованием позиций между заинтересованными сторонами в Нью-Йорке, Исламабаде, Тегеране, Москве и Кабуле все эти годы после

вывода советских войск активно занимался специальный представитель генерального секретаря ООН Бенон Севан. Афганская вооруженная оппозиция, действуя в духе своей непримиримости к «коммунистическому» режиму в Кабуле и под давлением своих региональных и заокеанского хозяев, категорически отвергла и перечисленные выше мирные инициативы афганского правительства, и усилия в этом направлении специального представителя генерального секретаря ООН. В конце 1990 – начале 1991 г. «альянс семи» потребовал в качестве предварительного условия прекращения войны полную капитуляцию режима Наджибуллы и безоговорочную передачу власти сформированному в Пешаваре временному правительству из числа моджахедов, а затем проведения всеобщих выборов в Афганистане под наблюдением 100 независимых иностранных наблюдателей, созыва Лоя джирги и формирования постоянного исламского правительства. Другими словами, «альянс семи», как и прежде, мыслил будущий Афганистан сугубо исламистским и не оставлял никакого места для демократических и либеральных элементов в будущем общественно–политическом устройстве страны.

По прошествии года с момента окончания вывода советских войск из Афганистана становилось совершенно очевидным, что левый кабульский режим вполне в состоянии защитить себя своими собственными силами. Но чтобы и далее демонстрировать свою военную силу и боевое преимущество и давать достойный отпор вооруженной до зубов непримиримой оппозиции, он остро нуждался в постоянных военных поставках. Как известно, у Кабула единственным источником таких поставок оставался Советский Союз. В связи с этим Наджибулла в конце 1989 г. обратился к Москве с просьбой о военной помощи. Вскоре советское руководство дало согласие на поставку Афганистану в 1990 году огромного арсенала вооружения и имущества, в частности 150 ракет к ракетному комплексу Р–17, 2 пусковых установок ракетного комплекса «Луна–М», 380 танков, 865 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, 195 орудий и минометов, 680 зенитных пушек и установок, 1000 реактивных огнеметов, около 96 тыс. единиц стрелкового вооружения, 54 самолетов, 6 вертолетов, боеприпасов, инженерной техники, транспорта и связи, более 1500 парашютно-грузовых систем многоразового использования, имущества тыла и другого имущества всего на сумму около 1,5 миллиарда рублей [54]. Практическое осуществление данного обещания совпало по времени с бешеной критикой бывшего советского руководства по афганскому вопросу, развернутой в рамках Съезда народных депутатов СССР, и с дальнейшим обострением внутренней ситуации в Советском Союзе. Горбачевская верхушка потеряла интерес к Афганистану и судьбе режима Наджибуллы. В феврале 1990 г. было принято решение о прекращении работы Комиссии политбюро ЦК КПСС по Афганистану.

Некоторые подвижки по афганскому вопросу наметились и в Вашингтоне. В начале 1990 г. там стали осознавать, что новые советские военные поставки кабульскому режиму и его солидный военно–политический потенциал делают быструю военную победу над ним афганских моджахедов весьма проблематичной. В связи с этим в политике США на афганском направлении появился еще один вариант плана (эта инициатива принадлежала госсекретарю США Дж. Бейкеру), согласно которому признавалась возможность участия Наджибуллы и его людей в афганском политическом урегулировании, вплоть до того, что сам Наджибулла, выйдя в отставку, сможет баллотироваться на президентских выборах, наряду с кандидатами от оппозиции [55]. При этом следует еще раз оговориться, что в правящей верхушке США при всех зигзагах их внешней политики никогда не снимался вопрос о силовом решении афганского вопроса и удушении «коммунистического» режима Наджибуллы.

Ситуацию внутри и вокруг Афганистана коренным образом изменили августовские события 1991 г. в СССР и действия новоявленных российских «демократов», набравших при содействии властей политические козыри на околоафганской истерии, очернительстве всего советского и самобичевании. Удар ниже пояса был нанесен Афганистану в сентябре

1991 г., когда советский лидер М.С. Горбачев, раболепствуя перед Западом и наживая себе в глазах мировой общественности сомнительные лавры творца нового политического мышления, договорился с США о прекращении поставок оружия противоборствующим сторонам в Афганистане с 1 января 1992 г. На первый взгляд могло показаться, что Москва и Вашингтон, озабоченные проблемой разблокирования афганского конфликта, наконец–то, прислушались к предложению президента Наджибуллы, высказанному им по этому поводу еще в 1989 году. На деле же все обстояло иначе. Наджибулла, как известно, предлагал всем странам (подчеркнуто мною. – М.С.) прекратить военные поставки воюющим в Афганистане сторонам. В советско-американских же договоренностях речь шла только о двух странах-поставщиках оружия – СССР и США. В данном контексте в проигрыше оказывался лишь Кабул, для которого, повторимся, СССР являлся единственным источником получения оружия и боеприпасов. Что касается другой воюющей стороны в Афганистане – моджахедов, то они при этом ничего или почти ничего не теряли, так как их основные поставщики (Китай, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, Египет, Израиль и пр.) оставались вне рамок советско-американского сговора. Таким образом, если разбираться по большому счету, Горбачев, отказавшись поставлять Кабулу оружие, совершил по отношению к нему не что иное, как откровенный акт предательства, следствием которого явился, в конце концов, приход к власти в Афганистане сил оголтелого религиозного экстремизма.

Свою лепту в крушение левого кабульского режима внесло и ельцинское руководство. В ноябре 1991 г. от имени российского президента в Москву была приглашена делегация афганских моджахедов во главе с Б. Раббани. В самом факте ее приглашения, как представляется, не было ничего предосудительного. Любые контакты и переговоры с обеими враждующими сторонами с целью восстановления мира на афганской земле являлись не просто оправданными, но и крайне необходимыми. Главное состояло в том, чтобы найти достойный и единственно правильный путь решения проблемы, который удовлетворил бы все завязанные в афганском конфликте силы и обеспечил бы демократическое будущее Афганистана. Однако новые российские лидеры, как, впрочем, и Горбачев, выбрали иной путь – путь безоговорочной «сдачи» Наджибуллы и подыгрывания группировкам исламских фундаменталистов. Как явствовало из сообщений печати, вице–президент А.Рудцкой, выступавший в ходе бесед с афганской делегацией в качестве главного переговорщика от России, заявил, ничтоже сумняшеся, что «нынешнее руководство России не несет ответственности за советское вторжение в Афганистане», и пообещал Б.Раббани, что «окажет давление на правительство СССР с тем, чтобы всякое вмешательство во внутренние дела Афганистана и поддержка марионеточного режима Наджиба были прекращены» [56].

Тем временем специальный представитель генерального секретаря ООН Б.Севан не оставлял попыток найти мирное решение афганской проблемы. Одной из таких попыток должно было стать проведение в апреле 1992 г. в Женеве или Вене конференции примерно 150 представителей всех афганских сторон и слоев населения – политиков, интеллектуалов, религиозных деятелей, военных, вождей и старейшин племен и этнических групп. В этой конференции предусматривалось участие и представителей правительства Наджибуллы. Цель конференции – формирование переходного правительства национального согласия, которому в будущем предстояло подготовить и провести всеобщие выборы. Уместно заметить, что Б.Севан, проводя в ту пору консультации со всеми силами, причастными к афганскому конфликту, допускал мысль оставить непримиримую фундаменталистскую оппозицию за бортом переговоров, так как она уже не представляла по существу большинство афганцев [57].

Думается, что данный сценарий ООН вполне мог бы быть осуществимым при доброй воле всех заинтересованных в мире сторон. Однако судьба распорядилась иначе. После распада СССР руководство России во главе с Б.Н. Ельциным поспешило прекратить не только военные поставки правительству Наджибуллы, но и оказание ему

любой гуманитарной помощи, в том числе и продовольственной. Жизнь населения Афганистана, прежде всего его городских центров, была поставлена на грань голодной смерти. В стране остро стала ощущаться нехватка топлива и товаров первой необходимости. В широких слоях населения росло недовольство властями. В сложившейся ситуации президент Наджибулла имел все основания и полное моральное право назвать бывших советских друзей («шоурави») предателями, что он и сделал 12 апреля 1992 г. в беседе с генерал-майором В.В. Лагоиным, одним из семи последних военных советников, покидавших на следующий день по его (Наджибуллы) совету осажденный моджахедами Кабул [58].

Лишение правительства Наджибуллы военной и гуманитарной помощи предопределило и ускорило его агонию и бесславную капитуляцию. С этого момента события в Афганистане, окрашенные по преимуществу в этнонациональные тона, развивались стремительно и неумолимо:

- к марту 1992 г. из-под контроля Кабула вышел весь север страны в результате опрометчивых мер Наджибуллы поставить пуштунов во главе войск, дислоцированных к северу от Гиндукуша, а также на ключевые посты в провинциальных администрациях севера;
- массовый характер приняли дезертирство и неподчинение командирам в правительственных войсках, укомплектованных, как правило, представителями национальных меньшинств;
- вооруженная оппозиция, пользуясь деморализацией и развалом правительственной армии, занимала один город за другим – Газни, Калайи–Нау, Файзабад, Герат, а затем в апреле Джалалабад, Мехтарлам, Гардез, Кандагар;
- 8 апреля генерал–полковник афганской армии А.Р.Дустом (узбек) и полевой командир Ахмад Шах Масуд (таджик) создали независимое правительство Северного Афганистана в г. Мазари-Шарифе;
- во второй декаде апреля до предела обострились разногласия и раздоры в непосредственном окружении Наджибуллы, завершившиеся созданием оппозиционного ему так называемого «Временного военного совета» во главе с министром иностранных дел Абдул Вакилем. Совет потребовал отставки Наджибуллы, объявив его главным препятствием на пути афганского урегулирования в рамках плана ООН (чуть позже А.Вакиль назвал президента «диктатором», который-де служил препятствием к договоренности с «братьями-мусульманами»). Деятельность Партии Отечества и госаппарата была фактически парализована;
- 13 апреля Наджибулла заявил о своей готовности в конце апреля передать власть переходному правительству. Начался массовый переход регулярных войск во главе с генералами и старшими офицерами на сторону моджахедов;
- 15 апреля Ахмад Шах Масуд захватил крупнейшую базу ВВС в Баграме (в 57 км к северу от столицы);
- 16 апреля Наджибулла по совету и при содействии специального представителя генерального секретаря ООН Б. Севана попытался бежать из Кабула на ооновском самолете, но был задержан по призыву А.Вакиля узбекскими ополченцами А.Р. Дустома. Наджибулла вместе со своим братом Ахмадзаем и некоторыми из своих ближайших сподвижников укрылся в миссии ООН в Кабуле. Функции президента страны временно взяли на себя четыре вице-президента РА – А.Р. Хатеф, М. Рафи, А.Х. Мохтат и А.В. Сораби. Политическое руководство фактически оказалось в руках группы лиц во главе с А. Вакилем;
- 24 апреля 10 оппозиционных группировок моджахедов сформировали в Пешаваре Совет джихада (законодательный орган) из 50 человек и переходное правительство;
- 25 апреля 20 тысяч «воинов джихада» вошли в Кабул, не встретив сопротивления, и взяли под контроль президентский дворец, министерства, армейские казармы, полицейские участки, улицы и площади. Город и его пригороды были поделены между

различными группировками моджахедов: северо-западная и центральная часть города вместе с президентским дворцом оказались в руках А.Ш.Масуда, юго-запад столицы – шиитской Партии исламского единства Афганистана («Вахдат»), район столичного аэропорта – отрядов генерала А.Р. Дустома и южные пригороды Кабула – в руках Г. Хекматьяра. Между ними сразу же начались ожесточенные вооруженные столкновения, прежде всего между отрядами А.Ш. Масуда и Г. Хекматьяра;

- 28 апреля, после прибытия из Пешавара в Кабул правительства моджахедов во главе с С. Моджаддеди, состоялась официальная церемония «мирной» передачи власти в присутствии некоторых деятелей прежнего режима: премьер-министра Ф.Х. Халекияра, министра иностранных дел А.Вакиля, заместителя премьер-министра А.В.Сораби, первого заместителя министра обороны генерал-полковника Наби Азими, а также генералов Нур-уль-Хака Олуми, Делавара и др. Страна стала называться «Исламское Государство Афганистан». Первым указом Совета джихада явилось распоряжение, запрещающее женщинам одеваться в западные одежды и предписывающее им носить только традиционные шаровары и чадру [59].

Итак, режим Наджибуллы пал. Афганское урегулирование по сценарию ООН не состоялось, хотя для многих он представлялся наиболее разумным и перспективным. К власти в стране пришло исламское правительство. Через два месяца, 28 июня, истек срок временных президентских полномочий С. Моджаддеди, представителя умеренного, традиционалистского крыла моджахедов. Он, в соответствии с решением «альянса», передал власть второму временному президенту, «умеренному» фундаменталисту Б.Раббани. Однако мир не пришел на афганскую землю. Уже к концу этого месяца, как признавал и.о. председателя Верховного суда ИГА Бари, новые власти оказались не в состоянии обеспечить мир и безопасность не только в стране, но и в самой афганской столице [60]. Кровавые разборки за власть между «борцами за веру» захлестнули буквально все города и сельскую периферию. Такого кровопролития и кошмара не знали все годы гражданской войны в Афганистане. На этом фоне недавний левый режим предстал в глазах большинства афганцев как лучшая и наиболее предпочтительная для них власть. Отсюда не случайно, что новая волна беженцев из Кабула покидала столицу со словами: «Да здравствует Наджибулла!» [61].

С приходом в Кабуле к власти моджахедов единое афганское государство перестало существовать. Страна распалась на отдельные уделы, в которых правили те или иные военно–политические группировки и полевые командиры. Кардинально изменились и мотивы гражданской войны: она перешла из сферы идеолого–политического противоборства, которое сохранялось до 1992 г., в русло более ожесточенных межэтнических и межконфессиональных сражений. Положение в Афганистане еще больше усугубилось после того, как в 1996 году власть в Кабуле и на большей части территории страны оказалась в руках экстремистского движения «Талибан», вскормленного, обученного и вооруженного спецслужбами Пакистана, Саудовской Аравии и США. Первым делом озверевшие от крови талибы казнили в лучших традициях средневековой инквизиции бывшего президента Наджибуллу и его брата.

Талибовский Афганистан, вопреки геополитическим и идеологическим надеждам и расчетам его региональных и заокеанского покровителей и доноров, уже вскоре вышел из–под их контроля и превратился в базу и рассадник международного терроризма. Под угрозу были поставлены мир и безопасность стран и народов не только обширного центральноазиатского региона, но и далеко за его пределами. К сожалению, осознание всей масштабности этой угрозы произошло слишком поздно, лишь после трагических событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. И снова, как 20 лет назад, проблема афганского урегулирования встала перед мировым сообществом как одна из актуальных, глобально значимых и не терпящих отлагательства проблем.

Чтобы урегулирование афганской проблемы состоялось, необходимо учесть ее печальный опыт. Причины провала всех усилий по политическому урегулированию

положения внутри и вокруг Афганистана, предпринимавшихся в течение 10 лет с 1982 по 1992 г., многогранны и кроются как во внешних и внутренних особенностях афганской истории, так и во множестве объективных и субъективных факторов афганского конфликта. Однако определяющими среди них все же явились внешние факторы. Прежде всего, это – политика и практика правящих кругов Запада, особенно США, и консервативных исламских режимов региона на афганском направлении. Они, вместе взятые, несут главную ответственность за затяжку и ужесточение афганского конфликта, за срыв дипломатического процесса по политическому урегулированию положения внутри и вокруг Афганистана. Указанные противники левого кабульского правительства, ослепленные навязчивой идеей «крестового похода» против мирового коммунизма и будучи не в состоянии немного заглянуть вперед, делали все возможное для того, чтобы с корнем вырвать в Афганистане «левую заразу», а заодно и слабые ростки демократии, появившиеся в общественно–политической жизни страны при режимах Б.Кармаля и Наджибуллы. Ставка делалась исключительно на военную силу, на использование в борьбе против «красного» Кабула воинствующих, экстремистских, антидемократических элементов и группировок. При этом заносчивых заокеанских политиков, как это ни странно, до поры до времени не смущала антизападная риторика главарей афганских фундаменталистов. В полном соответствии с данной стратегией, всячески блокировались любые мирные инициативы по урегулированию афганской проблемы, включая и те, что предпринимались по линии ООН. Кроме того, и это следует особо выделить, США и Пакистан, подписавшие женеvские соглашения по Афганистану, грубо попрали все взятые на себя обязательства и предстали перед мировой общественностью как злостные нарушители норм международного права, как страны, с которыми вряд ли можно с уверенностью строить на перспективу договорные отношения.

Не на высоте положения в разрешении афганского конфликта оказалась и Москва. Выступая с начала ввода войск в Афганистан с конструктивными по существу, мирными инициативами, она не смогла (а, может быть, и не захотела) подкрепить их убедительной демонстрацией своей военной силы и своего подавляющего боевого превосходства над моджахедами на поле брани и таким образом выбить главный козырь из рук вооруженной оппозиции – уверенность в военной победе над своим противником.

Исключительно пагубную, весьма неприглядную роль в афганском урегулировании на его конечном этапе сыграла горбачевско–ельцинская камарилья. Она, лишив Кабул в одностороннем порядке военной и гуманитарной помощи, подло предала режим Наджибуллы и продлила на многие годы не только афганскую трагедию, но и своим предательством открыла дорогу для экспансии религиозных экстремистов в центральноазиатские страны. Был в Афганистане, к сожалению, и еще один уровень предательства – армейский. Советские военачальники – «афганцы» любят, при случае, подчеркивать, что в Афганистане их нередко «подставляли» политики. Не сомневаюсь, поводов и причин судить так у них было предостаточно. Но истины ради надо сказать, что и сами советские генералы, требуя безоголдного и быстрого вывода войск из Афганистана и не заботясь одновременно о создании требуемого «запаса прочности» для кабульского режима, этим самым подставляли и Наджибуллу, и своих боевых друзей в афганской армии и бесцеремонно нарушали святое святыx для любого военного человека – фронтовое братство. Оставлять в беде, на растерзание врагу своего боевого товарища, каким бы плохим он ни казался, – это верх бесчестия и подлости. Даже циничные по натуре американские политики, к примеру, не позволяют себе ничего подобного в аналогичных ситуациях. Как в этой связи не вспомнить слова одного американского президента, сказанные им по адресу центральноамериканского диктатора Сомосы: «Сомоса, конечно, сукин сын, но это – наш сукин сын».

Стоит еще раз подчеркнуть, что президент Наджибулла, как и режим, который он олицетворял, заслуживают гораздо лучшего к ним отношения. Лично Наджибулла порой был жестким политиком, но никогда не был ни диктатором, ни тираном или узурпатором.

За ним и его режимом стояли миллионы афганцев и не только из числа единомышленников, но и тех, кто, придерживаясь иной политической ориентации, не видел другой альтернативы леводемократическому режиму. Конечно, у режима Наджибуллы было много слабостей – объективных и субъективных, снижавших его способность управлять страной и защищаться. Однако, несмотря на все это, указанный режим, опираясь на свою солидную социальную и военную силу, мог вполне сыграть позитивную роль в урегулировании афганской проблемы, в создании коалиционных основ власти и обеспечении будущего демократического развития своей страны, если бы была сохранена помощь и поддержка Афганистану со стороны СССР, а затем России. Оставшись один на один в борьбе с внутренними, региональными и заморскими противниками, левый кабульский режим оказался обреченным.

Рассматривая проблему афганского урегулирования в историческом аспекте, нельзя не обратить внимание на то, что политологические центры Запада, его средства массовой информации за последние десятилетия много сделали для того, чтобы исказить представление о сути и характере событий внутри и вокруг Афганистана. Левый кабульский режим, которому незаслуженно был приклеен ярлык «коммунистический», ими облыжно характеризовался как «антинациональный, антинародный, антиисламский». В то же время фундаменталистская оппозиция всячески идеализировалась и представлялась мировой общественности как подлинно национально–патриотическая сила, пользующаяся–де абсолютной поддержкой афганских мусульман. Самое удивительное состояло, пожалуй, в том, что западные СМИ, кичащиеся своей свободой и независимостью, сознательно скрывали экстремистские, антидемократические взгляды и деяния исламских фундаменталистов, их призывы к использованию военной силы с целью насильственного свержения всех, по их понятиям, «неисламских» правящих режимов, а также оправдывали «военной необходимостью» массовый террор и насилия «борцов за веру» по отношению к мирному населению. Терроризм, как явление, был замечен лишь тогда, когда он пришел в их, западный, дом.

С разгромом движения «Талибан» и приведением к власти в Кабуле правительства Хамида Карзая снова на круги своя возвратилась проблема внутриафганского урегулирования. Как представляется, с учетом накопленного за последние десятилетия опыта наиболее перспективным и предпочтительным путем решения этой проблемы может стать не реализованный в свое время по ряду причин план ООН, который предусматривал участие всех национально-патриотических, консервативно-клерикальных, либеральных и демократических сил, а также влиятельных этнонациональных лидеров и религиозных авторитетов в процессе умиротворения Афганистана и создания его по–настоящему демократических государственных и общественно–политических институтов. Хочется надеяться, что долгожданный мир придет и на афганскую землю, и Афганистан вернет себе демократический вектор развития и перестанет быть дестабилизирующим фактором в регионе и мире.

Примечания

1. Уже 14 января 1980 г. «афганский вопрос» был вынесен на обсуждение 6-й чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а 25–28 января – чрезвычайной встречи в Исламабаде министров иностранных дел стран Организации Исламская Конференция.
2. Корниенко Г.М. Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе // Новая и новейшая история. – 1993. – № 3. – С. 112. По свидетельству специального корреспондента «Красной звезды» полковника А.Олейника, в оперативном управлении Генштаба хранится заслуживающий доверия документ, согласно которому вопрос о выводе советских войск встал на политбюро ЦК КПСС по личной инициативе Л.И.Брежнева еще в январе 1980 г. Однако тогда было признано нецелесообразным выводить советские войска. – См. об этом: Красная звезда. – 1992, 25 декабря.
3. См. об этом: Babrak Karmal Greets Afghan Nation. 6.10.1358 (27 Dec. 1979) // Democratic Republic of Afghanistan Annual. Jaddi 6, 1358 – Hoot, 1359. – Kabul: Government Printing Press, 1980. – P. 12–13.
4. Karmal message to Khomeini // Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 337–340, 768.

5. Кармаль Б. Выступление по случаю Нового 1359 года. 29 хута 1358 г. х. (19 марта 1980 г.) // Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа. Сборник выступлений и статей (1358–1359). – Кабул: Б.и., 1362 (1983). – С. 46. – На языке дари (дар рах–е хакемият–е халк).
6. PDPA Central Committee Theses on the Second Anniversary of the Saur Revolution // White Book. Foreign Policy of the Democratic Republic of Afghanistan. 3–rd revised edition. – Kabul: DRA Ministry of Foreign Affairs Information and Archives Department, 1982. – P. 10.
7. The Speech of Babrak Karmal on the Occasion of the Second Anniversary of the Saur Revolution // Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 61.
8. Statement of the DRA Government. May 14, 1980 // White Book. 1982. – P. 48–49. Далее ссылки даются на данный документ.
9. Achievements of the April Revolution in Afghanistan. – Kabul: Information and Press Department DRA Ministry of Foreign Affairs, 1984. – P. 102.
10. Statement of the DRA Government. August 24, 1981 // White Book. 1982. – P. 53–54. Далее ссылки даются на данный документ.
11. Seventh Conference of Heads of State or Government of Non–Aligned Countries. New Delhi. March 1983. Final Documents // Strategic Digest. – New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, May 1983. – P. 288; Eighth Conference of Heads of State or Government of Non–Aligned Countries. Documents. – Havana, August – September, 1986. – Section XIV.
12. См. напр.: The Situation in Afghanistan and its implications for international peace and security // Resolutions adopted by the United Nations General Assembly 14 January 1980, 20 November 1980, 18 November 1981, 20 November 1982, 23 November 1983, 15 November 1984, 13 November 1985, 5 November 1986, 23 October 1987.
13. Resolutions on Afghanistan adopted January 28, 1980, at the extraordinary meeting of the Foreign Ministers of the Islamic Conference // New York Times. – 1980, January 30. – P. 413.
14. United Nations General Assembly. Resolution 36/34, 18 November 1981. The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security. – P. 14–15.
15. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан: проблема беженцев // Культура народов Причерноморья. № 24. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2001. – С. 229–243.
16. Из депеши временного поверенного ДРА в Исламабаде Шарифа Фулада от 25 июня 1983 г. по поводу позиции Пакистана на женевских переговорах (из личного архива М.С.).
17. Хекматъяр Г. Политическое решение проблемы Афганистана. – Тегеран: Б.и., 1983. – С. 17 и 57. – На языке дари (халл–е казийя–йе Афганестан).
18. Раббани Б. Путь решения проблемы Афганистана. – Тегеран: Комитет по культуре центрального бюро Исламского общества Афганситана, 1983. – С. 18. – На языке дари (рах–е халл–е масале–йе Афганестан).
19. Там же, с. 14–21. Следует отдать должное «умеренному» фундаменталисту Б. Раббани в том, что спустя 20 лет он заметно отошел от своего бывшего радикализма. В частности, в одном из своих интервью в апреле 2002 г. он высказался в пользу создания в Афганистане демократического государства, независимо от того, «каким оно будет по строю: религиозным или светским», и, более того, признал необходимым участие в строительстве такого государства «сыновей коммуниста Бабрака Кармаля». – См.: Известия. – 2002, 16 апреля.
20. Харрисон, Селиг. Неудавшийся мир в Афганистане // Бюллетень политической информации ТАСС. – 1989, 7 февраля. – № 27. – С. 17.
21. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан: проблема беженцев. – С. 229–243.
22. New York Times. – 1983, May 4.
23. Washington Post. – 1983, December 30.
24. Statement by Shah Mohammad Dost to the Bakhtar Information Agency. February 19, 1985 // White Book. Foreign Policy Documents of the Democratic Republic of Afghanistan. – Kabul: DRA Ministry of Foreign Affairs Information and Archives Department, 1985. – P. 124–125.
25. Корниенко Г.М. Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе. – С. 112.
26. Там же.
27. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан: уроки информационной войны // Культура народов Причерноморья. № 15. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2000. – С. 82–95.
28. Корниенко Г.М. Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе. – С. 113.
29. Там же, с. 114.
30. Там же.

31. Address to the Opposing side. A Television Speech // Najibullah. Afghanistan: Taking the Path of Reconciliation. A Collection of Speeches. – Kabul: Government Committee of Press and Publication, 1988. – P. 79.
32. Информация Центральной избирательной комиссии по выборам в Национальный совет Республики Афганистан (из личного архива М.С.).
33. Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. 18–20 октября 1987 г. – Кабул, 1987. – С. 49, 148.
34. Там же.
35. Анис. – 1987, 14 сентября; Хакикат–е энкелаб–е саур. – 1987, 2 декабря.
36. См. об этом: Корниенко Г.М. Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе. – С. 115.
37. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева по Афганистану // ТАСС. – 1988, 9 февраля.
38. Там же; Заявление Наджибуллы // ТАСС. – 1988, 9 февраля. Здесь и далее ссылки даются на указанные Заявления.
39. Информация ТАСС (Исламабад). – 1988, 24 февраля.
40. Двустороннее соглашение между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о принципах взаимоотношений и, в частности, о невмешательстве и об отказе от интервенции // Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. (краткий очерк). – М., 2000. – С. 62.
41. Там же, с. 61–63, 68.
42. Война продолжается... // Азия и Африка сегодня. – 1993. – № 6 (432). – С. 3.
43. Time. – 1988, May 30.
44. Красная звезда. – 1989, 10 февраля.
45. Правда. – 1998, 29 мая. Как пишет генерал М.А. Гареев, в течение января–февраля 1989 г. в Афганистан с территории Пакистана было переброшено около 20 тысяч вооруженных мятежников. – См. об этом: Гареев М.А. Афганская страда (с советскими войсками и без них). – М.: ИНСАН, РФК, 1999. – С. 86.
46. По данным ЦРУ, через тренировочные лагеря «Аль–Каиды» в Афганистане за 1988–2001 гг. прошло от 25 до 100 тыс. рекрутов. – См. об этом: Независимое военное обозрение. – 2002. – № 24. – С. 2.
47. См. об этом: Харрисон С. Неудавшийся мир в Афганистане. – С. 17–20.
48. Там же, с. 18. О Б. Раббани см. подробнее: Слинкин М.Ф. Народно–демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки–Амина (1978–1979 гг.). – Симферополь, 1999. – С. 275–280.
49. Харрисон С. Неудавшийся мир в Афганистане. – С. 18.
50. Правда. – 1989, 15 мая. После вывода советских войск из Афганистана военная помощь США афганским моджахедам возросла с 800 млн. долларов в 1988 г. до 1,2 млрд. долларов в 1989 г. – См.: Гареев М.А. Афганская страда. – С. 156.
51. Небезынтересная деталь: 17 февраля 1989 г., то есть за две недели до начала штурма Джалалабада, «шура» (совет) лидеров «альянса семи», базировавшегося в Пакистане, и представителей восьми военных группировок, действовавших с территории Ирана, попытались создать «переходное правительство», которое заменило бы режим Наджибуллы. Однако уже на первом заседании, когда речь зашла о персональном составе этого правительства, затея провалилась. Как сказал один из афганских полевых командиров по этому поводу, «нельзя создать коалицию из злейших врагов». – См. об этом: Without a Look Back // Time. – 1989, February 20. – № 8. – P. 9. Некоторое время спустя, под давлением пакистанских спецслужб и США такое правительство все же было сформировано: президентом стал С. Моджаддеди, премьер–министром – А.Р. Сайяф и министром иностранных дел – Г. Хекматъяр.
52. Правда. – 1989, 26 апреля и 15 мая.
53. См. об этом подробнее: Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. – С. 40–42.
54. Красная звезда. – 1992, 10 июля. Несколько отличные от этого данные приводит генерал М.А. Гареев. По его словам, в 1990 году предусматривалось поставить в Афганистан военного имущества на сумму 2,2 млрд. рублей (6 млн. ежедневно), в том числе: ракетных комплексов «Луна–М» – 2, танков – 380, боевых машин пехоты – 211, бронетранспортеров – 651, реактивных систем – 50, орудий и минометов – 114, гранатометов – 820, огнеметов – 1000, стрелкового оружия – 95,4 тыс., зенитных пушек и установок – 680, самолетов – 66, вертолетов – 37, артиллерийских боеприпасов и мин – 1938 тыс., авиабомб – 82,3 тыс. Фактически было поставлено на сумму около 1 млрд. рублей. – См. об этом: Гареев М.А. Афганская страда. – С. 259.
55. См. об этом подробнее: Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. – С. 44–46.
56. Новое время. – 1991. – № 47. – С. 17.

57. Новое время. – 1992. – № 14. – С. 27.
58. См. об этом: Ляховский А. Пламя Афгана. – М.: Вагриус, 1999. – С. 539–540.
59. Известия. – 1992, 30 апреля; Эхо планеты. – 1992. – № 18. – С. 4–9; Новое время. – 1992. – № 35. – С. 20–23.
60. Новое время. – 1992. – № 35. – С. 23.
61. Правда. – 1993, 13 февраля.